
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

29 АВГУСТА — ДЕНЬ ШАХТЕРА

ЗЕМЛЯ И УГОЛЬ

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 35 (2304)

Основан 1 апреля 1923 года

28 АВГУСТА 1971

— Профессия наша хорошая, всем людям нужная.— С этими словами своего бригадира Ф. П. Четверякова вполне согласны проходчики Геннадий Назаров, Александр Полубесов и Александр Нестеров.

Продолжение см. на стр. 6—7.

Бригада идет на смену.

Звеньевой Михаил Косолапов поздравляет Федора Павловича Четверякова.

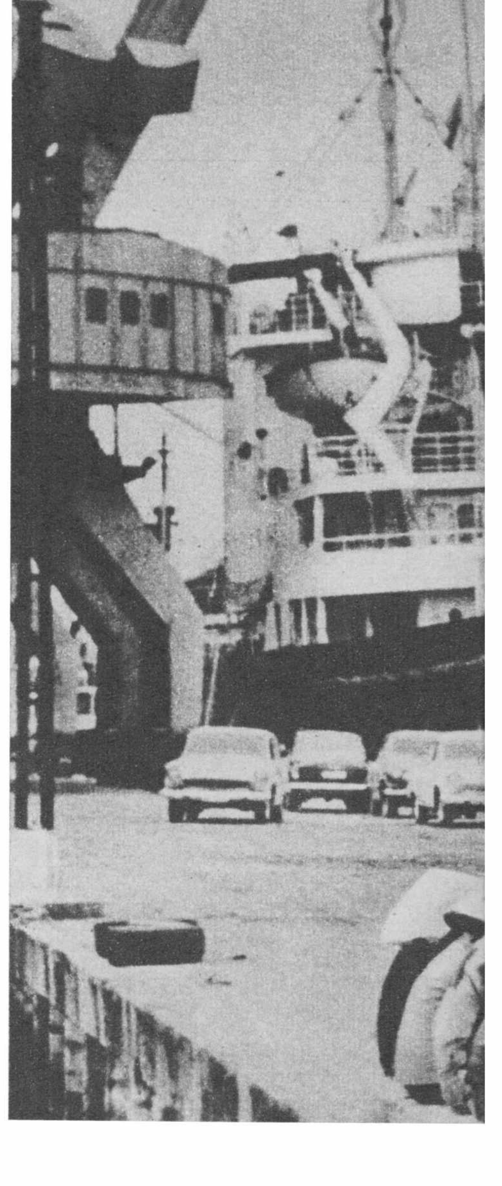

23 августа Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял в Кремле председателя Военного комитета национального освобождения (ВКНО), главу государства и председателя правительства Республики Мали Муссу Траоре, находящегося на отдыхе и лечении в Советском Союзе по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

Между Н. В. Подгорным и Муссой Траоре состоялась беседа, прошедшая в дружественной обстановке.

На снимке: Н. В. Подгорный обменивается рукопожатием с Муссой Траоре. Справа — министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

26 ЛЕТ НАЗАД В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ ОБРАЗОВАЛАСЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ.

КРЕПЧ

«Следуя заветам великого патриота и революционера Хо Ши Мина, вьетнамский народ высоко держит в своих руках знамя социализма и бесстрашно противостоит империалистическим агрессорам. Демократическая Республика Вьетнам может быть уверена, что и в вооруженной борьбе, и в мирном труде она может и в дальнейшем рассчитывать на братскую поддержку Советского Союза».

(Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV съезде партии.)

Чрезвычайный и Полномочный Посол ДРВ в СССР НГУЕН ТХО ТЯН

В этом году мы празднуем 26-ю годовщину Августовской революции и образования Демократической Республики Вьетнам в обстановке подъема, полные веры в светлое будущее.

26 лет прошло с того дня, когда президент Хо Ши Мин огласил Декларацию независимости: «Вьетнам имеет право быть свободным и независимым — и действительно стал свободным и независимым»,— но и сейчас вьетнамский народ должен держаться за оружие для осуществления созидательного труда.

После исторической победы под Дьен-бьенфу французские колонизаторы были вынуждены подписать Женевские соглашения 1954 года и признать права вьетнамского народа. Однако не просохли еще и чернила под этими соглашениями, как на смену французским колонизаторам пришли американские империалисты, замышляя превратить Южный Вьетнам в колонию нового типа и впоследствии осуществить аннексию социалистического Севера. Эти черные замыслы американского империализма четко отражены в недавно вынесенных на суд мировой общественности тайных документах Пентагона.

Но американские империалисты явно просчитались. Давно прошли те времена, когда они могли безнаказанно чинить разбой на международной арене, когда большая держава могла порабощать малые народы. Мир переменился. Только заснув средь бела дня, можно не увидеть, как поднимаются на ноги малые страны и становятся хозяевами своей судьбы. Однако американские империалисты продолжают все еще грезить. Мечты Джонсона развеяны вьетнамским народом, а мечты Никсона о «вьетнамизации» трагически для него рушатся и впоследствии будут окончательно развеяны народами Индокитая.

Если Никсон не проснется и будет по-прежнему отказываться от полного вывода войск США из Южного Вьетнама и цепляться за воинствующих прогнивших сайгонских марионеток во главе с Нгуен Ван Тхиеу, он потерпит еще большие поражения, чем те, которые народы Индокитая нанесли ему в начале этого года. Мирная инициатива из семи пунктов, выдвинутая Временным революционным правительством Республики Южный Вьетнам на парижских переговорах по Вьетнаму, открывает правительству США почетный путь для прекращения преступной войны в Южном Вьетнаме. Это самый лучший для него выход, и другого пути нет.

В то время, когда народ и армия Южного Вьетнама одерживают блестящие победы над врагом, народ Северного Вьетнама с беспредельным энтузиазмом продолжает строить социализм, достойно выполняя задачу называться большим тылом героической передовой.

Вооруженный идеей борьбы с американским империализмом за спасение своей родины, выполняя свой патриотический и интернациональный долг, народ Северного Вьетнама достиг в этом году блестящих побед.

Самой большой победой в области экономики явилось то, что планы посева риса и его урожайности были значительно перевыполнены. Благодаря увеличению площади посевов и урожайности валовая продукция также значительно возросла по сравнению с прошлым годом.

«...в нынешней борьбе против американских агрессоров, за спасение родины и в строительстве социализма вьетнамский народ постоянно пользуется горячей поддержкой, огромной и ценной помощью Коммунистической партии, правительства и всего советского народа»,— подчеркнул, выступая с речью на XXIV съезде КПСС, товарищ Ле Зуан, Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама. На снимке — советский океанский корабль «Хо Ши Мин» прибыл с грузом в порт Хайфон.

Они зорко охраняют небо республики.

Около 370 коллективов вьетнамских педагогов носят почетное звание «Бригада социалистического труда». Одна из таких бригад — математики школы Ле Хонг Фонг из провинции Намха — собралась для обсуждения планов своей работы.

Е СТАЛИ

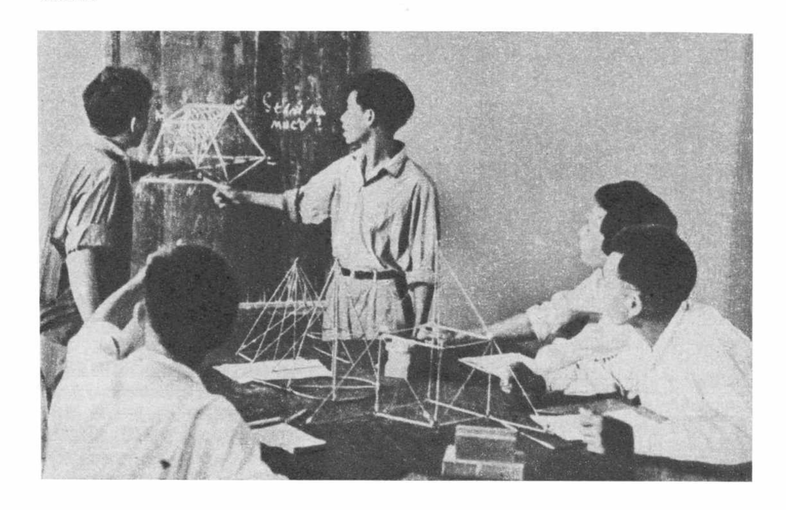

Фото ТАСС, АПН, ВИА.

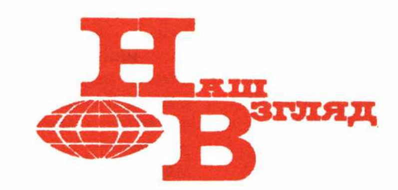
В области промышленности достигнуты обнадеживающие результаты. Многие отрасли промышленности перевыполнили свой план. За первое полугодие 1971 года валовая продукция возросла на 18 процентов по сравнению с этим же периодом 1970 года. Объем производства электроэнергии и добычи угля возрос на 26—32 процента, производство цемента — на 60 процентов. Продукция легкой и пищевой промышленности возросла на 16—25 процентов. Большие успехи достигнуты в области культуры и просвещения. Когда последний французский солдат покинул землю Вьетнама в 1954 году, он оставил после себя царство невежества и нищеты. Более 95 процентов населения было неграмотным. В настоящее время неграмотность в ДРВ полностью ликвидирована. Более 4,5 миллиона детей учатся в средних школах, 80 тысяч студентов обучаются в вузах. В настоящее время в ДРВ насчитывается 50 тысяч человек с высшим образованием, 160 тысяч — со средним специальным образованием и сотни тысяч рабочих с техническим образованием.

Начинать на пустом месте, отражать к тому же натиски врагов в течение десятилетий и достигнуть таких побед — дело далеко не легкое. Поэтому мы по праву гордимся нашей партией, нашими руководителями и не мыслим своей жизни в отрыве от партии и нашего народа.

Вьетнамский народ видит главную причину одержанных побед в осуществлении правильной самостоятельной и независимой политики Партии трудящихся Вьетнама, которая базируется на принципах марксизма-ленинизма, учитывает характер эпохи и особенности вьетнамской революции. Основой политики нашей партии является борьба с американскими агрессорами за спасение родины. Осуществляя эту политику, вьетнамский народ достиг больших успехов. Он опирается на свои собственные силы и в то же время укрепляет солидарность со странами социализма, странами Индокитая, с народами всего мира, в том числе и с прогрессивной американской общественностью.

Борьба с американской агрессией за спасение родины, которую ведет вьетнамский народ,— это революционная борьба современности. Наша справедливая борьба является неотъемлемой частью мирового революционного процесса. Сила и победа вьетнамского народа связаны с силой и победой социалистического содружества, народов всех стран. Поэтому мы испытываем глубокую признательность к Советскому Союзу, всем странам социализма и народам всего мира.

Празднуя эту великую дату, с радостью победителя, вьетнамский народ полон решимости выполнить заветы президента Хо Ши Мина: пока на земле Вьетнама останется хотя бы один агрессор, вьетнамский народ будет продолжать борьбу до полного его изгнания, чтобы освободить Южный Вьетнам, защитить социалистический Северный Вьетнам и осуществить мирное объединение страны. Вьетнам — един, вьетнамский народ — един; реки могут обмелеть, горы могут разрушиться, но эта истина — непоколебима. Претворение в жизнь этого завета — вековая мечта вьетнамского народа.

ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА ОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

Едва ли в послевоенной истории найдется другой столь короткий отрезок времени, который можно было бы сравнить с истекшими днями по значительности решений, принятых в экономической области как в странах социалистической системы, так и в странах капитализма. Речь идет, с одной стороны, об итогах XXV сессии СЭВ, состоявшейся в Бухаресте, и с другой — о чрезвычайных финансовых мерах, взятых на вооружение Вашингтоном.

Оба решения касаются интересов трудящихся, однако цели, которые при этом имеются в виду, не более сходны между собой, чем плюс сходен с минусом. Решение СЭВ, как отмечалось в советских руководящих органах при рассмотрении итогов бухарестской сессии, направлено на то, чтобы преимущества социалистического метода ведения хозяйства, международного социалистического разделения труда полнее использовались в интересах повышения народного благосостояния. Принятый же в Вашингтоне курс на замораживание зарплаты американцы квалифицируют как «мощное многостороннее наступление на рабочий класс, на негров, американцев мексиканского происхождения и пуэрториканцев», то есть на тех, кто больше всех трудится и меньше остальных получает.

Контрастность международных аспектов обоих решений столь же очевидна и не менее разительна.

Первое решение означает курс на утверждение стабильных взаимовыгодных международных экономических связей, учитывающих интересы всех участников сотрудничества. Второе — попытка выпутаться из собственного экономического кризиса за счет партнеров. Определение, данное президентом Никсоном своей экономической политике как «смирительной рубашке», безусловно, в равной степени характеризует ее и внутриполитический и международный смысл.

Не нужно быть пророком, чтобы видеть долгую жизнь того и другого решения, их большие последствия. Собственно говоря, решения сессии СЭВ сами говорят об этом: принятая в Бухаресте Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ рассчитана на поэтапную реализацию в течение 15—20 лет. На базе Комплексной программы будет проходить процесс сближения экономик социалистических стран, формироваться глубокие и устойчивые связи в различных областях — в производстве, науке, технике, финансовых отношениях, будет укрепляться международный рынок стран — членов СЭВ. Планируется укрепление коллективной валюты (переводного рубля), которая в перспективе займет в международных расчетах место, соответствующее роли и значению стран — членов СЭВ в мировой экономике.

Ясно, что меры, принятые в Вашингтоне, также будут оказывать долгосрочное воздействие на экономические отношения внутри другой — капиталистической — части мира. Их значение не ограничится 90 днями, на которые введено в США чрезвычайное положение. Может быть, только после этих трех месяцев и начнется настоящая реакция на политику Вашингтона со стороны его партнеров-конкурентов, и она едва ли оставит в нынешнем виде производственные, финансовые и иные связи США с другими капиталистическими странами. Собравшись на днях в Брюсселе на переговоры за закрытыми дверями, министры финансов и экономики шести стран Общего рынка, хоть и не договорились в целом о том, как им реагировать на американский вызов, все же пригрозили в коммюнике возможностью «проведения реформы международной валютной системы».

Рассуждения о девальвации доллара, ревальвации западногерманской марки, изменении золотого паритета других валют не сходят со страниц западной печати. И нередко те, кто принимает во внимание не только конкурентную борьбу между двумя побережьями Атлантики — между Общим рынком и Америкой, но и интеграционные процессы в социалистическом содружестве, как, например, лондонская «Таймс», приходят к выводу, что в обозримом будущем наряду с долларом реально появление двух новых обратимых валют.

И кризис, разразившийся в финансах США, и этапные решения об ускорении процесса интеграции в Совете Экономической Взаимопомощи были подготовлены длительным ходом событий. Они, безусловно, знаменуют собой глубокие качественные изменения, происходящие в жизни двух систем-антагонистов. Однако эти качественные сдвиги стали результатом накопления многих факторов не только экономического, но и политического, социального планов. На качественные изменения в развитии двух систем оказали влияние наряду с постоянными чертами, присущими либо социализму, либо капитализму, такие обстоятельства, как, с одной стороны, устойчивый мир в Европе и уверенность в незыблемости социалистических завоеваний стран — членов СЭВ, с другой — затяжные военные авантюры империализма, многолетние попытки США силой остановить освободительный, революционный процесс, играть роль мирового жандарма.

В мире складывается новая экономическая ситуация, которая будет вести к новым сдвигам в расстановке мировых политических сил. Основное направление всех этих сдвигов предопределяется одной доминирующей сейчас тенденцией, а именно нарастанием наступления социализма в его историческом соревновании с капитализмом.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В связи с кризисом доллара в аэропорту Токио появились объявления для туристов: «Обмен вашей иностранной валюты на иены не производится».

Виктор ПЕРЛО,
американский экономист

КРИЗИС

Международная валютная система капитализма, созданная американским империализмом и основанная на американском долларе, потерпела крах. Никсон фактически признал это, объявив о прекращении обмена доллара на золото, что, мне кажется, равносильно девальвации доллара на международном рынке. Это заявление еще более усилило анархию и хаос в международной финансовой системе капитализма.

Агрессия США в Индокитае резко обострила кризис доллара. Пока длится война, положение доллара не может быть стабилизировано. Но вместо того, чтобы покончить с войной, Никсон пытается использовать экономические рычаги и мобилизовать экономику для продолжения военных действий в Индокитае.

Первым следствием кризиса доллара будет ускорение роста цен в результате того, что подорожают импортируемые товары. Объявленное замораживание заработной платы на три месяца может принять хронический характер.

Несмотря на трагическое положение городов, Никсон намерен урезать даже и те небольшие ассигнования, которые хотел выделить конгресс.

По-моему, американцы не смирятся с этими ударами. На следующий же день после выступления Никсона 300 рабочих-сталелитейщиков объявили забастовку против отсрочки повышения зарплаты, которое предусматривалось контрактами. Они призвали к усилению организованности, к борьбе за повышение заработной платы, за улучшение условий труда и за действительное равенство белых и цветных американцев.

В свое время антинародная политика Джонсона потерпела крах благодаря объединенным усилиям трудящихся. Та же судьба может постигнуть и никсоновскую политику замораживания зарплаты.

Американские империалисты пустили в ход все средства, чтобы сохранить доллар в ка-

Этот снимок сделан в Париже, где американские туристы спешат обменять дорожные чеки на франки.

Телефото ТАСС.

ДОЛЛАРА

честве главной валюты капиталистической системы. Это позволило международным банкам и монополиям положить в свои сейфы неисчислимые прибыли, обеспечило монополиям США превосходство над конкурентами, возможность диктовать свою волю развивающимся странам. Это позволило Соединенным Штатам мобилизовать финансовые ресурсы других государств для продолжения американской агрессии в Индокитае.

Теперь в заграничных банках, поддерживавших Соединенные Штаты, скопилось несколько десятков миллиардов обесцененных долларов. Банки отказываются признавать особую роль доллара в валютной системе капитализма. Вызов доллару бросили и японская иена и западногерманская марка.

Введенная Никсоном 10-процентная дополнительная пошлина на импорт есть не что иное, как крайняя форма торговой войны — войны прежде всего против Японии и Западной Европы. Это приведет к обострению противоречий, к новым, более ожесточенным схваткам между японскими и американскими, а также западноевропейскими и американскими монополиями. Будут складываться новые капиталистические союзы, так как различные капиталистические группы борются за власть и за восстановление хотя бы видимости стабильности системы, которая сходит с исторической арены.

В противоположность капиталистическому миру экономика социалистических стран развивается без кризисов. Усиление сотрудничества в рамках СЭВ резко контрастирует с ожесточенной экономической борьбой между странами НАТО.

С каждым днем все более усиливается контраст между стабильностью социалистической системы и кризисом в экономике капиталистического мира, между быстрыми темпами роста жизненного уровня в странах социализма и загниванием экономики капиталистических государств.

Нью-Йорк. АПН для «Огонька».

ОБЛИЧЕНИЕ МАОИЗМА

Книга «Внешняя политика КНР», подготовленная коллективом сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР, представляет несомненный интерес как для специалистов-международников, так и для самой широкой читательской аудитории. Авторы рассматривают историю формирования великодержавного курса Мао Цзэ-дуна на международной арене, прослеживают эволюцию маоистской внешнеполитической стратегии в отношении стран социалистического содружества, развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки и империалистических государств.

Рассматривая последовательные этапы формирования раскольнического курса пекинских лидеров, авторы отмечают как особенность китайской революции то, что она началась в отсталой сельскохозяйственной стране. Основная масса руководителей и членов коммунистической партии были выходцами из непролетарских слоев. Группа Мао пришла к руководству КПК на гребне аграрной революции. Сама КПК родилась в полуколониальной стране, где одной из основных задач революционного движения была ликвидация национального гнета. Все эти обстоятельства обусловили наличие у многих китайских лидеров националистических настроений, хотя до 1957 года в партии брали верх силы, стоявшие в целом на интернационалистских позициях.

Особый курс, открыто противопоставленный генеральной линии международного коммунистического движения, был провозглашен китайским руководством в 1963 году. В 1966 году на XI пленуме ЦК КПК этот курс был формально закреплен в качестве партийной линии. Наиболее характерными чертами нынешнего пекинского курса на международной арене являются мелкобуржуазный шовинизм и антисоветизм.

Как справедливо отмечают авторы книги, переход китайского руководства с позиций пролетарского интернационализма на позиции шовинизма и антисоветизма совершился не вдруг. Националистические тенденции линии Мао Цзэ-дуна проявлялись уже в 40-х годах, в ходе гражданской войны в Китае, однако до поры до времени дружба с Советским Союзом и другими странами социализма была нужна маоистам по чисто прагматическим соображениям. Позднее, когда Мао Цзэ-дун счел, что внутреннее и внешнее положение Китая в результате советской помощи достаточно укрепилось, он пошел на открытый разрыв с социалистическим лагерем.

«Культурная революция», рассматриваемая в книге как «контрреволюционный мелкобуржуазный переворот», позволила Мао покончить внутри страны с оппозицией раскольническому курсу. Гигантская чистка, проведенная в стране, обескровила те силы, которые оставались верными идеям марксизма-ленинизма, и развязала руки Мао и его окружению для любых дальнейших комбинаций как во внутренней, так и во внешней политике.

Неприкрытый антисоветизм пекинского руководства, его антисоциалистическая политика служат хорошей рекомендацией в империалистических кругах. Как отмечают авторы книги, в августе 1967 года в западногерманской печати появились сообщения о секретном циркуляре Мао Цзэ-дуна, в котором он учил свое окружение не игнорировать реакционные режимы, если «эти режимы являются врагами его врагов». Парадоксальный на первый взгляд союз пекинских «ультрареволюционеров» с империалистической реакцией является в современном мире, где противостоят друг другу две крупные общественно-политические системы, закономерным итогом предательства интересов социализма и отхода от позиций пролетарского интернационализма, осуществленного группой Мао Цзэ-дуна.

Бесспорно, большой интерес представляет глава книги, озаглавленная «Антиимпериализм или воинствующий шовинизм?». В этой главе говорится о том, что борьба двух мировых систем — империалистической и социалистической, к которой присоединяются и другие антиимпериалистические силы, в частности силы антиколониальных движений, является определяющим фактором отношений между народами и государствами в современную эпоху. Все страны и народы так или иначе вынуждены учитывать этот фактор при выборе своей позиции на международной арене. Развитие взаимоотношений между КНР и США также происходит в рамках этого основного противоречия современной эпохи и при его определяющем влиянии.

Китайская народная революция, пишут авторы книги, была и остается важной составной частью антиимпериалистического движения колониальных народов. Тот факт, что нынешнее китайское руководство навязало КНР националистический внешнеполитический курс и даже пытается деформировать процесс социалистического строительства внутри страны, не снимает противоречий между китайским народом и лагерем империализма, составляющих объективную основу китайской революции. Вместе с тем выдающееся место китайской революции в антиимпериалистической борьбе эксплуатируется мелкобуржуазно-шовинистической группировкой в руководстве КПК в ее борьбе за гегемонию в мировом революционном движении.

Современные китайско-американские отношения, указывается в книге, определяются политической и идеологической борьбой между империализмом и антиколониализмом в мелкобуржуазной маоистской форме; вместе с тем на характер китайско-американских отношений все большее и большее влияние оказывает великодержавно-шовинистическая позиция китайских лидеров.

Как известно, после поездки Киссинджера в Пекин западную печать захлестнула волна спекулятивных слухов по поводу сближения между Вашингтоном и Пекином. «Разумеется, всякие расчеты использовать контакты Пекина и Вашингтона для какого-то «давления» на Советский Союз, на государства социалистического содружества являются лишь следствием утраты чувства реальности»,— писала недавно газета «Правда».

Авторы рецензируемой книги, вскрывая в результате обстоятельного анализа органичные пороки, присущие внешней политике современного Китая, приходят к следующему выводу: коренные национальные интересы Китая «могут быть обеспечены лишь на пути подлинного социалистического развития в тесном союзе и сотрудничестве с братскими социалистическими странами на основе проведения подлинно социалистической внешней политики, базирующейся на ленинском принципе пролетарского интернационализма». Всякие же попытки комбинировать в политике против других государств создают лишь угрозу делу мира и наносят ущерб прежде всего самому китайскому народу.

В. МАКСИМЕНКО

«Внешняя политика КНР». Издательство «Международные отношения». М., 1971.

Бригада Ф. П. Четверякова идет на смену.

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Б. СМИРНОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЗЕМЛЯ И УГОЛЬ

В этом году у шахтеров праздник особый: 250 лет назад, в 1721 году, крестьянин Григорий Капустин обнаружил на притоке Северского Донца, речке Кундрючьей, «черное золото» — каменный уголь. В этом же 1721 году другой рудознатец, крепостной крестьянин Михайло Волков, нашел выходы угольных пластов совсем в другом краю России — в Сибири, на реке Томи. По времени эти открытия совпали не случайно, так как именно в ту пору по приказу Петра Первого в России были организованы поиски полезных ископаемых. Месторождения, открытые 250 лет назад, сегодня известны всему миру: Донбасс и Кузбасс.

...В самом центре Кузбасса, в городе Белове, мы попали на праздник — нет, не на всесоюзный праздник Дня шахтера, а на небольшой, местный, который отмечался на шахте «Грамотеинская 1/2». Да и события не было — просто подводились итоги социалистического соревнования двух бригад. Но одно дело — объявить победителей в будничной, рабочей обстановке и совсем другое — сделать это на глазах у всего поселка.

Трубы играли туш. Солнце отражалось в меди шахтерского оркестра. В центре зеленой площадки, за красным праздничным столом, сидели руководители шахты, бригадиры проходчиков. Вокруг на скамейках, в тени деревьев, разместились грамотеинцы всех возрастов.

— Слово имеет представитель бригады Ивана Степуры. Сам Степура в отпуск уехал, за него скажет Косолапов,— объявил председатель шахткома.

— Давай, давай, Михаил, отчитывайся! Только не по бумажке! — крикнул кто-то из зрителей.

Все засмеялись. Было и в самом деле както весело, непринужденно на этом празднике. Может, потому, что сегодня воскресенье, вокруг сидят все свои, грамотеинские, а может, потому, что после холодных дней ярко светит солнце...

Косолапов откашлялся и коротко, деловито рассказал о бригаде. На столько-то процентов перевыполнили план, прошли столько-то метров породы, ко Дню шахтера обязуются сверх плана пройти еще столько-то метров. Под гром аплодисментов и одобрительные возгласы: «Хорошо поработали!» — он сел на место. Потом выступил командир другой бригады — Федор Четверяков.

— Мы,— сказал он,— тоже план перевыполнили, только чуть поменьше, чем бригада Степуры, с которой соревнуемся. Но к празднику тоже берем повышенные обязательства. Бригада наша работает ровно, без замечаний — и молодые и опытные. И еще скажу я так: большое спасибо нашим женам и матерям, которые с любовью провожают нас на работу и встречают с радостью, тем самым дают нам силу и уверенность в работе! — И Четверяков, улыбаясь, направился к своему месту.

Аплодировали так, что ведущий митинг председатель шахткома с трудом успокоил публику.

— Тише, товарищи! Насчет жен и матерей Федор Четверяков очень правильно сказал... Важный, так сказать, моральный стимул... Позвольте теперь доложить об итогах социалистического соревнования. Бригада Степуры по показателям идет впереди, но мы, когда подводили итоги, учли и такой факт: в бригаде Степуры в этом месяце шахтер прогулял... И мы считаем, что коллектив за это должен держать ответ. Потому решили: победу присудить бригаде Четверякова.

Последние слова были произнесены довольно торжественно. Оркестр снова играл туш. Шахтеры, их семьи одобрительно гудели, а кто-то из бригады Степуры с досадой хлопнул себя ладонью по колену. «Надо же, из-за одного прогульщика вся бригада пострадала! Отличились, нечего сказать...»

Довольный Четверяков, без особых церемоний прижимая к себе локтем древко знамени, поспешил под тень деревьев. А праздник продолжался. Гремел оркестр — теперь он переключился на песни и танцы,— и кто-то высказал сожаление: «Ребятишки наши в пионерлагере, а то бы такой концерт дали...»

— Подобные праздники очень нужны нам,— говорил председатель шахткома Виктор Федорович Иванов. И тут же напомнил нам строку из Резолюции XXIV съезда партии по Отчетному докладу ЦК КПСС: — «Совершенствуя формы материальной заинтересованности, нужно всемерно повышать значение моральных стимулов, окружать почетом и славой передовиков труда, распространять их ценный опыт». Вот и стараемся, чтобы каждый, кто хорошо работает, окружен был бы и почетом и славой...

И весело стал рассказывать, как недавно подводили итоги социалистического соревнования двух шахт, «Грамотеинской» и «Первомайской».

— Вот там праздник был так праздник! Торжественно все прошло, красиво. Народу собралось уйма. А под конец — представляете! — футбол устроили: шахтеры-отцы против школьников-детей.

— И как сыграли?

— Недоиграли, дождь пошел. Как говорится, победила дружба. Главное же в таких праздниках, что рабочие дела выходят за пределы шахты; сыны, дочери, жены узнают, как

их отцы и мужья работали. За плохую работу пеняй на себя, за хорошую — всеобщий почет. И тут, на пьедестале почета, все равны, и знаменитые и незнаменитые. Вот Четверяков — о нем в газетах и журналах почти никогда не писали. А какой шахтер! Экстра-класс.

...Итак, Федор Павлович Четверяков, проходчик, бригадир комплексной бригады. Уже немолодой, кряжистый, но очень подвижный человек с открытым, приветливым лицом. О его работе красноречиво говорят руки — тяжелые, в старых шрамах и свежих ссадинах, с навечно въевшейся в кожу угольной пылью. И никуда от этого не уйдешь: появляются на шахтах новые агрегаты, механизируются и автоматизируются многие процессы, но профессия горняка еще на многие времена останется одной из самых трудных и сложных на земле.

— Нет, я не потомственный шахтер,— ответил Четверяков на вопрос.— Отец мой был крестьянином, жили мы на Алтае. Я уж привык к сельской жизни, да вот началась война. Я поступил в ФЗУ, выучился на горняка. С сорок шестого и работаю под землей.

— И ни разу не появилось желания вернуться «на землю», поменять профессию?

— Нет, зачем же...— подумав, ответил Федор Павлович. Эта манера отвечать обстоятельно, не вдруг, чем-то напоминала крестьянский неторопливый разговор.— Профессия хорошая, нужная,— говорил Четверяков,— а труд — он везде труд. Если относиться к работе по совести, то она никогда не будет в тягость — и на земле и под землей. Все зависит от человека, а не от профессии.

Мы беседовали о том, как Четверяков понимает цели социалистического соревнования. Он говорил неторопливо, словно подыскивал подходящие слова. И смысл их был таков: сам шагай впереди и товарищу помогай. «Тут надо суметь задор разжечь, чтобы человек себя хозяином почувствовал, чтобы обидно было ему, когда отставать от других начинает».

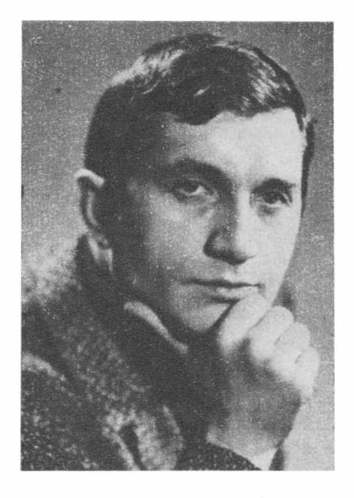
— Вначале, когда я пришел на эту шахту, меня поставили лесогоном,— подтаскивать к забою крепежный лес. С механизацией тогда было плохо, и крепеж мы таскали вручную — на себе. Вместе со мной работали молодой, крепкий парень и пожилой лесогон. И я стал замечать: молодой возьмет что полегче да через десяток минут, глядишь, уже пристроился отдохнуть. А другой, что постарше, не так: в полную силу трудится, и усталость его не берет, хотя тяжело ему, по себе знаю. И помню, что пример этого пожилого лесогона стал как-то и меня подгонять: такое заразительное у него было отношение к работе. Понял я, что сила человека ценится не по тому, что он мог бы сделать, а по тому, что сделал.

— Может быть, тогда у вас просто появился азарт соперника, желание обогнать напарника в работе?

— Не без этого, конечно, но дело не в азарте. Шахта не стадион, а трудовое, социалистическое соревнование не велосипедная гонка. Тут надо решать заранее: что нужно сделать, чтобы работать лучше? Одними призывами «Давай, давай!» делу не поможешь. Оно требует полного использования техники и правильной организации работы. И еще важно добиться, чтобы вся бригада действовала слаженно, четко, дружно. Все за одного, один за всех. Только после всего этого можно ждать хороших результатов. А рывками да штурмом много не сделаешь...

Четверяков говорил о своей бригаде, о том, что на шахте еще мало новой техники. Это были рассуждения делового, уверенного в своей правоте человека, для которого стремление работать лучше даже не долг, не обязанность, а просто естественная человеческая черта. Наверное, это и есть самая типичная особенность людей труда в нашей стране — шахтеров, сталеваров, землепашцев; дело ведь не в профессии.

...Как-то, уже после разговоров с Четверяковым, я обратил внимание в коридоре шахтоуправления на длинный список фамилий. Поздравляли шахтеров, удостоенных правительственных наград за успешное выполнение пятилетки. Была в этом списке и фамилия Четверякова: орден Трудового Красного Знамени. Я и не знал, что беседовал с орденоносцем. Сам об этом он мне ничего не сказал...

СТЕПЬ ДОНЕЦКАЯ...

Анатолий **КРАВЧЕНКО**

АНТРАЦИТ

На склонах — сколы угольных пластов,
далеких зорь литые отпечатки.
Мильоны лет спустя
дробит взрывчатка
немые чащи каменных стволов.

И снова — к солнцу! Снова — к синеве
небес, что плыли некогда над ними —
огромными,
зелеными,
живыми...
И вот лежит он, черный, на траве.

На сломах — сланцы, точно седина.
Она от камня каменною стала,
но перед ней не устоять металлу,
когда в огонь оденется она.

...Лежит он — черный, гордый — на траве,
к забытой привыкая синеве.

* * *

О память, память!
Выведи меня
на старый шлях,
на крымскую дорогу.
Там,
затаив в душе своей тревогу,
возы я встречу
на исходе дня.

Они пройдут, скрипя и дребезжа,
просыпав соль прозрачно-голубую
на битый шлях, на пыль его густую,
и замолчат
в прибрежных камышах.

И дрогнет в сердце тоненькая нить,
и я пойму,
и я услышу снова,
как зов степей, напев родного слова —
то,
без чего мне песни не сложить.

* * *

Я лес гонял,
я пласт кромсал,
потом
всю ночь
во сне летал
так высоко и далеко,
что и проснуться нелегко.
А что я видел?
Облака,
такие синие — как уголь.
А что еще?
Была река
внизу,
как пласт, что шел на убыль.
А что еще?
Еще звезда!
Она слепила
и манила.
И покорялась высота
и глубиною становилась.

БАЛЛАДА О ПЕСНЕ

«На шахте «Крутая Мария»
случилась большая беда»,—
в теплушке, идущей на Киев,
пел грустную песню солдат.

На полке, под самою крышей,
от взглядов чужих схоронясь,
сквозь говор вагонный услышал
ту песню шахтерскую я.

«На шахте «Крутая Мария»
случилась большая беда»...
А где-то в разрывы глухие
вплетали гудки поезда.

И я, беспризорный и хилый,
забывшись, промолвил тогда:
— На шахте «Крутая Мария»
случилась большая беда...

А после мы вместе с солдатом
хлеб ели и спали вдвоем.
Потом на разбитый Крещатик
отвел он меня в детский дом.

И, сжав мои пальцы худые,
прощаясь, кивнул головой:
— На шахту «Крутая Мария»
еще мы вернемся с тобой!

Но он не вернулся.
Иные
нам песни волнуют сердца...
Мария, «Крутая Мария»,
любезная сердцу бойца!

ОСЕНЬ В ДОНБАССЕ

Над рощей туча нависает,
знобит от ветра на дворе.
Там, где стрижи кружились в мае,
кружатся листья в октябре.

В прозрачной дымке
дальних склонов
лишь очертания видны.
И голубые терриконы
в степи стоят, как табуны.

В СТЕПИ

Над Саур-могилою луна.
На Саур-могиле тишина.
Видно высоко и далеко,
даже ночью различить легко
между звезд,
застывших в небе искр,
на Саур-могиле обелиск.

А под ним, как много лет назад,
в плащ-палатке бронзовый солдат.
Каменный, стоит он в блеске звезд,
словно бы в курган гранитный врос,
слушая в степи в полночный час,
как гудит у ног его Донбасс.

Донецк.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ШИРОКИЙ ШАГ РЕСПУБЛИКИ

Т. К. МАЛЬБАХОВ,
первый секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС

ВОПРОС. Вашу республику журналисты иногда называют страной контрастов. Так ли это?

Ответ. Если иметь в виду географию, то это правильно. У нас и опаленные солнцем засушливые степи, и прохлада горных ущелий, и великолепие дымчатых гор, и стремительный бег пенистых рек, и красота задумчивых голубых озер. Вы сами ощутили, что такое палящий зной в сорок градусов, доставляющий нам тьму огорчений, и вы же были в Приэльбрусье, видели воспетый в стихах и легендах Эльбрус с его вечной снежной шапкой. И все это на небольшой площади в 12,5 тысячи квадратных километров. Но это только география. А что касается социально-экономических контрастов, то они остались в далеком прошлом да в памяти тех немногих стариков, для которых богатство кучки князей и помещиков на одном полюсе и бесправие тысяч и тысяч на другом — это не учебник истории, а лично ими выстраданное, пережитое. Они помнят времена, когда вся промышленность нашего края состояла из нескольких мастерских, а почти половина крестьян не имела лошадей, чтобы обрабатывать свои нищенские наделы. О тех тяжких годах поэт и кузнец Кязим Мечиев писал:

В аулы к нам беда легко находит путь.
Хоть заблудилась бы в горах когда-нибудь.
А счастья, как ни ждем, все нет, запропастилось:
Как видно, где-нибудь в теснине заблудилось!

Поэту не дано было тогда знать, что «заблудившееся в теснине счастье» приведут к нам Октябрь, партия большевиков, Ленин. Русский пролетариат под руководством партии большевиков, прорвав фронт мирового империализма, открыл всем народам России, в том числе и нам, кабардинцам и балкарцам, путь к свободной и счастливой жизни. «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно,— говорилось в Обращении Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».— Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».

Призывы большевиков всколыхнули свободолюбивых тружеников-горцев. Под руководством посланцев партии — С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе — началась их борьба за власть Советов. Весной 1918 года она была провозглашена съездом народов Терека. Но в том же году белогвардейцы вместе с иностранными интервентами в союзе с националистической контрреволюцией покрыли Северный Кавказ виселицами. В ту пору из гущи солдат революции поднялись самоотверженные борцы за свободу и счастье угнетенных. Среди них поистине народный герой Бетал Калмыков, чью память свято чтут в Кабардино-Балкарии. С его именем связана и история советской автономии нашей республики. Он и его соратники неустанно разъясняли землякам глубокую суть учения Ленина, требовавшего «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений...». 1 сентября 1921 года ВЦИК принял постановление о выделении из Горской АССР «Автономной области кабардинского народа, непосредственно связанной с РСФСР». А чуть позже назрел вопрос и о выделении Балкарии из Горской республики. 16 января 1922 года ВЦИК принял постановление об образовании единой Кабардино-Балкарской автономной области, которая впоследствии стала республикой.

ВОПРОС. Какие перемены в жизни республики произошли за полвека ее советской автономии?

Ответ. Мне легче сказать, что тут не претерпело изменений — это революционное вдохновение, революционный дух свободолюбивых горцев, их преданность делу Ленина, партии большевиков, их дружба с народами-братьями и в первую очередь с великим русским народом. Вы видели в центре Нальчика монумент с высеченными на нем словами: «Навеки с Россией». Он установлен в честь 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России. Слова на монументе кратки и незыблемы: «Навеки с Россией»! Здесь никогда не будет перемен.

А что касается нашей экономики, культуры, нашего образа жизни, то тут я даже не уверен, можно ли говорить о них в плане обычных перемен, вызванных бурно текущим временем. Нет, пожалуй. Это не перемены, а целая революция. Посудите сами: вот карта нашей республики, на ней яркими звездами светят сотни заводов и фабрик, отправляющих сегодня свою продукцию во многие края СССР и в 40 зарубежных стран. В 2 436 раз вырос объем промышленного производства в республике за годы Советской власти.

ВОПРОС. Цифра поистине огромная. Но здесь сравнение идет, если так можно выразиться, с нулевым циклом, когда весь рабочий класс Кабарды и Балкарии состоял из 800 человек. А если взять, скажем, последние десять лет, последнюю пятилетку?

Ответ. Если говорить о темпах особенно бурного роста нашей индустрии, то они характерны более всего именно для восьмой пятилетки, когда вступили в строй 42 крупных предприятия и цеха. За минувшие десять лет выпуск продукции нашей станкостроительной промышленности возрос в 6,7, а приборостроительной — в 20 раз. При этом промышленность республики, развиваясь под знаком технического прогресса, сама служит ему в масштабах всей страны.

Можно ли представить в наш век технический прогресс без вольфрама или молибдена? Нет, конечно. Республика дает стране и вольфрам и молибден. Горнякам радостно знать, что частица и их труда заключена в тех кораблях, что штурмуют космос. Недавно на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря начал действовать новый высокогорный карьер «Восточный», где добыча руды ведется открытым способом. Производительность труда здесь увеличится в два с лишним раза.

Маршруты технического прогресса проходят ныне по многим районам республики. В Тырныаузе добываются редкие цветные металлы, Терек поставляет алмазные инструменты, Майский — рентгеновские установки, Нальчик — телеаппаратуру. Сложнейшие приборы и современные станки, кабель и электрооборудование, насосы и искусственная кожа, химия и металлургия... Таковы они, плоды мудрой ленинской национальной политики. Эти плоды — в любой сфере деятельности тружеников Кабардино-Балкарии.

На полях колхозов и совхозов урожайность зерновых выросла в шесть раз по сравнению с дореволюционным уровнем. Восемьдесят, а иногда и все сто центнеров с гектара — могли ли когда-нибудь крестьяне Кабарды или Балкарии мечтать о таком урожае кукурузного зерна? Среднегодовое производство зерна в колхозах и совхозах за 1966—1970 годы по сравнению с 1965 годом возросло на 33 процента. В эти дни на полях республики жаркая страда уборки. В некоторых колхозах намолот превышает 40 центнеров пшеницы с гектара.

Вот какой она стала, Кабардино-Балкария! Много трудов стоило это ей, много жертв понесла она, создавая свои богатства и отстаивая их от врагов. Республика готовится к 50-летию советской автономии. В праздничный день мы вновь и вновь низко поклонимся ветеранам, которые будут сидеть в зале торжественного заседания. Минутой скорбного молчания помянем тех, кто пал в битве с врагами Отчизны. Я хочу напомнить, что более 20 сынов Кабардино-Балкарии удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Бесстрашием и доблестью был отмечен

Маркшейдер Тырныаузского вольфрамо-молибденового рудника Таисия Пушкарева. ▶

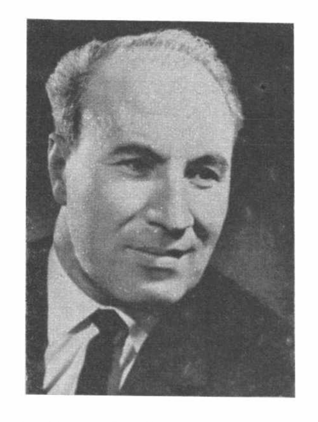
Подвесная дорога соединяет Тырныаузский рудник с обогатительной фабрикой.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

КАБАРДИНСКИЕ СОНЕТЫ

Адам ШОГЕНЦУКОВ,
народный поэт
Кабардино-Балкарской
АССР

1

Я наблюдал, как новый рой возник,
И как ловили самбом пчел гудящих,
И как умело пасечник-старик
Их посадил в отдельный чистый ящик.

Я видел, как они, собрав нектар,
Запомнив наизусть дорогу к лугу,
Несли к летку свой драгоценный дар —
И так весь день по замкнутому кругу.

Как много у трудолюбивых пчел
Необходимой будничной работы!
Зато — прозрачен, желт, тягуч, тяжел —
Мед наполняет восковые соты.

Да, счастлив тот, кто людям отдает
Свой повседневный труд, как пчелы — мед!

2

Мне было, верно, от роду лишь год,
Когда протопал робко я к порогу
И кое-как добрался до ворот,
Но главное — я вышел на дорогу.

И пусть недолгим был мой первый путь,
Но никого не звал я на подмогу,
И проявилась в том всей жизни суть:
Искать самостоятельно дорогу!

Нелегкая стезя досталась мне —
В огне, в дыму, в чаду, под скрежет стали
Я шел, не дрогнув сердцем. На войне
Мы правду от неправды защищали.

Того, кто в жизни выбрал верный путь,
Ни бедствиям, ни горю не согнуть!

3

Твой стих, струясь волшебно-чистым звуком,
Вступил с горами нашими в родство.
Сияет над Бештау и Машуком
Могучий свет таланта твоего.

Весь мир в чудесной власти стихотворца,
И горным эхом пульс повторен твой.
Свой скорбный дух и дух мятежный горца
Ты слил в поток поэзии живой.

Он не мелеет, яростен, как прежде,
И все неудержимей будет течь.
Как ты был прав в святой своей надежде:
В глубины душ твоя проникла речь.

И вечно будет лермонтовский стих
Звучать и пламенеть в сердцах живых.

Перевел с кабардинского
Анатолий НАЙМАН.

путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, бессмертна слава наших воинов-альпинистов, дравшихся с гитлеровцами в горах Кавказа.

ВОПРОС. В их песне есть строки о «записке на скалистом гребне для грядущих дней». Что вы можете сказать об этой эстафете, о людях, которым была оставлена «записка для грядущих дней»?

Ответ. Эти люди сегодня добывают редкие металлы, выращивают рекордные урожаи пшеницы, пасут отары овец, строят дома, учат детей... Они верны заветам фронтовиков, многие из которых продолжают трудиться поныне. Кабардино-Балкария гордится своей молодежью, поколением, вступившим в самостоятельную жизнь уже после войны. Вы сказали мне, что на первой обложке номера журнала, в котором будет рассказано о нашем юбилее,— портрет Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, старшего чабана Салиха Аттоева. Он познал радость больших свершений, когда ему едва минуло 30 лет: вместе с учеными Кабардино-Балкарии Аттоев провел большую работу по преобразованию местной грубошерстной породы овец в высокопродуктивную мясо-шерстную. Ему было 32 года, когда он стал Героем Социалистического Труда.

Или Герой Социалистического Труда горняк Шарафудин Муллаев. Его отец, братья погибли на фронте, и на трудовую вахту он заступил, как на боевую. Это им, Аттоеву, Муллаеву и тысячам их сверстников, адресована «записка для грядущих дней». Они, как и их сверстники, принимая эту «записку», могут сказать ее авторам — живым и павшим: «Мы сделали и делаем все для того, чтобы богато колосилась пшеницей земля, отвоеванная вами у врага, чтобы поднялись на этой земле заводы, институты, школы, дома, театры...»

ВОПРОС. «Огонек» время от времени широко знакомил читателей с жизнью вашей республики. Еще в 1933 году вышел посвященный ей специальный номер. Лет десять назад были опубликованы репортажи, в которых рассказывалось о таких председателях колхозов, как Тарчоков, Евтушенко, о таком секретаре райкома партии, как М. Хачетлов. Как сложилась судьба тех, о ком писал «Огонек»?

Ответ. Чудеснейшим образом, хотя у каждого из них забот стало куда больше. Теперь Хачетлов полон забот о сельском хозяйстве уже не одного района, а всей республики. Он министр сельского хозяйства. Что касается Героев Социалистического Труда К. Тарчокова и Н. Евтушенко, то официально, как говорится, по должности, они не «выросли»: по-прежнему председательствуют в колхозах. Но, быть может, именно в этом доверии, оказываемом им, свидетельство их большого роста. Есть ведь и такое, внешне неброское, а, по существу, весьма поучительное проявление роста человека. Оба они стали настоящими академиками своего дела. Их дерзаниями гордится республика, у них учатся многие. А если говорить об ученых званиях, то Николай Никитович Евтушенко сейчас готовится к защите докторской диссертации. Думается, что это хороший пример сочетания науки и практики.

ВОПРОС. Как республика готовит кадры своих ученых, инженеров?

Ответ. Я говорил об успехах нашей экономики. Творцы этих успехов — люди, выращенные в школах республики, в ее вузах и, конечно же, в вузах страны. И это в краю, где живут народы, лишь в 1924 году обретшие свою письменность. Первый кабардинский ученый и просветитель Ш. Ногмов мог только мечтать о том дне, «когда в душе грубого горца вспыхнет... любовь к знанию». Он всегда жаждал знаний, наш горец. Но только Советская власть открыла ему путь к этим знаниям. Сейчас у нас на каждые 10 тысяч жителей приходится 83 студента — это в два раза больше, чем во Франции. На каждые 15 жителей — один дипломированный специалист. У нас свой университет, который за последние десять лет дал нашему народному хозяйству 1 032 инженера. И не только нашему. Недавно в Нальчик приезжал из Новосибирска по приглашению республиканского университета доктор физико-математических наук Адам Маремович Нахушев. Молодого — ему только 34 года — талантливого ученого тепло встретили в родном городе: он питомец нашего университета, а сейчас работает в Сибирском отделении Академии наук СССР. Почти в это же время к нам на гастроли приехал оркестр Ленинградской филармонии. Дирижировал Юрий Темирканов, наш земляк. Нам эти факты столь же приятны, как и успех в Москве, Ленинграде, за рубежом танцевального ансамбля «Кабардинка»; как и успех у читателей произведений наших народных поэтов Алима Кешокова, Кайсына Кулиева; как и успехи театров, художников республики...

ВОПРОС. Вы говорили о прогрессе разных отраслей промышленности. Расскажите еще об одной отрасли — индустрии здоровья.

Ответ. Она занимает видное место в республике. Нальчик стал одним из первоклассных и весьма популярных курортов страны. Он год от года растет, благоустраивается, обогащается новыми здравницами. В прошлом году тут поправили свое здоровье 105 тысяч человек, ныне — около 120 тысяч. Здесь строятся новые санатории, дома отдыха, пансионаты.

ВОПРОС. В упомянутом мною специальном номере «Огонька», посвященном Кабардино-Балкарии, была опубликована статья Михаила Кольцова, тогдашнего редактора журнала. Он дал яркую панораму процветания вашей земли и высказал надежду, что край этот может и должен стать маршрутом массового потока советского и иностранного туризма. Стал ли он таким?

Ответ. Я назову только одну цифру: в прошлом году республика приняла миллион двести тысяч туристов. На каждого жителя — два туриста. Приэльбрусье буквально заполонено советскими и иностранными туристами. Многое здесь сделано для того, чтобы хорошо принять гостей. Построены канатные дороги, гостиницы, рестораны. В самом Нальчике строится 16-этажная гостиница для туристов. И тем не менее далеко не все возможности здесь использованы. Но это уже тема специального разговора.

В заключение мне хочется сказать следующее: отмечая полувековой юбилей советской автономии Кабардино-Балкарии, трудящиеся республики знают, как много им надо еще сделать для успешного претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС. Мы не успокоимся на достигнутом, жизнь идет вперед и выдвигает перед нами новые задачи дальнейшего строительства коммунизма. Мы готовы к их решению.

◀ **Выступает ансамбль «Кабардинка».**

«В СОЮЗЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ НЕТ НИ ОДНОГО... ПЛЕМЕНИ, КОТОРОЕ НЕ ДОКАЗАЛО БЫ СВОЮ ЖАЖДУ КУЛЬТУРЫ И СПОСОБНОСТЬ К ВОСПРИЯТИЮ ЕЕ...»

М. Горький

РО

Псыпо — так называют кабардинцы первые струи реки, которые насыщают новое русло, уходят в землю, чтобы вода потекла дальше, наполнив берега. Так и в литературе. Жажда культуры, о которой писал Горький, не могла быть быстро утоленной, но способность народов к восприятию ее во многом решила успех дела. Она проложила новому ручью русло в широкую и многоводную реку советской литературы.

Об этом мне хочется рассказать.

* * *

Каждый год летом отец уезжал в Нальчик на краткосрочные учительские курсы и возвращался к началу учебного года, привозил с собой буквари, учебники, тетради, географические карты. Большие и малые встречали его, с восторгом рассматривали глобус, а отец объяснял, что наша Земля выглядит, как этот шар. Никто ему не верил. Старик сосед шутил:

— Если это земля, на которой мы живем, я могу украсть ее вместе со всеми жителями...

Ему отец отвечал:

— Как же ты украдешь, если и ты на ней живешь?

Будет к месту сказать несколько слов о Баляцо, старике соседе — друге нашего дома. Он был любимец общества. Кабардинцы говорят: «Человек, способный занимать словом целое общество, сам стоит общества». Баляцо был таким. Где бы он ни появлялся, всюду царило оживление: такой он был весельчак и балагур. О нем самом была сложена шуточная песня: Баляцо поехал в лес за дровами, не имея разрешения. Лесник стал на его пути: сбрасывай дрова или плати штраф. Баляцо не подчинился, мало того, он связал лесника и привез его домой. Лесник сам вынужден был откупиться и дать клятву, что он его больше никогда не задержит...

Зимой и летом Баляцо спал у дверей конюшни — стерег двух своих лошадей. И все-таки не уберег. Однажды он не ночевал дома, и в эту ночь абреки увели лошадей. Он приходил к отцу и умолял: «Советская власть стоит на плечах бедняков. Пусть мне купят новых лошадей».

Чтобы накопить деньги на лошадей, он отдал в батраки двух малолетних сыновей. А отец советовал послать их в школу, чтобы пальцы сдружились с карандашом и книгой. Баляцо отвечал: «Землю пашут не карандашом. Пусть дети учатся ходить за плугом. Борозда ведет к амбару с зерном, а карандаш — к писарскому делу».

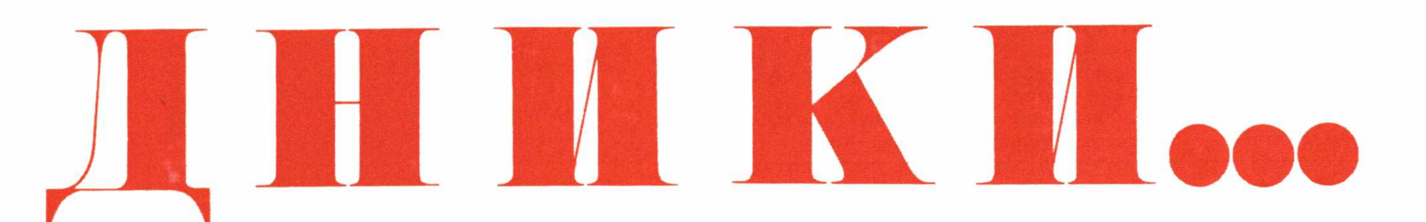
...Аул был взбудоражен. Едва появились первые книжки на родном языке, вспыхнули споры. Люди разделились на два лагеря: одни за школу, где дети научатся писать, читать и говорить по-русски: ведь, не зная русского языка, дальше города Прохладного не уедешь. Другие за медресе: чтобы дети оставались правоверными мусульманами, надо знать коран и молитвы.

Я очень хотел в школу, а меня оставили дома — ходить за скотом, работать по хозяйству. Летом я так часто ходил на базар, что получил

В центре Нальчика установлен монумент в честь 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России.

Алим КЕШОКОВ,
народный поэт
Кабардино-Балкарии

ДНИ КИ...

прозвище «Парапеть» от слов «пара — пять». Произошло это так. Мать часто посылала меня на базар продавать зеленый лук. Вечером мы всей семьей рвали «зеленый товар», вязали его пучками, укладывали в плетеную корзину. Мать рано поднимала с постели, наказывала: «Будешь продавать два пучка за пять копеек». Придя на базар, я становился в ряд зеленщиков и, о чем бы меня ни спрашивали, бойко отвечал: «Парапеть». Из выручки разрешалось на пятак купить мороженое или полфунта белого хлеба — награда за труд.

Зимой мои обязанности менялись — я пас корову и козу. Соседки просили захватить и их корову — копейка в день. Вкус к деньгам у меня уже был. Я соглашался, но никто не платил. Соседка, задолжавшая мне двадцать копеек, сказала: «Будешь жениться, я эти деньги приберегу на калым».

Брат ходил в школу регулярно. Родители велели ему учить меня вечерами тому, чему его в школе учили днем. Поэтому-то я научился читать и писать. А когда разрешили ходить в школу, я оказался сразу во втором классе. Многие первоклассники утром ходили в школу, а вечерами — в медресе. Учиться на «два фронта» было нелегко. Но что делать, если родители не могли договориться между собой. Отец велит идти в школу, а мать заставляет учить коран. Школа в ауле одна, а медресе — четыре: по одной при каждой мечети.

Зимой 1924 года отец снова уехал. На этот раз в Москву, на Всероссийский съезд Советов. Он был в числе делегатов от Кабардино-Балкарии. Отец еще не вернулся, когда в аул пришла весть: умер Ленин. Люди не сразу поверили. «Пшемахо вернется — правду скажет». А те, у кого сердце не лежало к Советской власти, подняли головы. «Кто соленое поел — попьет водицы»,— предсказывали они в надежде, что будет возмездие тем, кто «на своих плечах принес в аул Советскую власть». Приободрились и муллы: «Теперь медресе возьмет верх над советской школой».

Но ожидания духовенства не сбылись. Наоборот, упразднение шариатского отдела и должности кадия (мусульманского судьи) в связи с выходом Кабарды из состава Горской Автономной Республики лишило духовенство последней опоры. Детвора из медресе хлынула в школы. Муллы тщетно старались удержать их. Органы Советской власти развернули широкое школьное строительство. В Нальчике открылся новый очаг культуры и просвещения — учебный комбинат. Объявили даже о наборе девочек. Кабардинцы взялись за образование.

...Вскоре из Москвы вернулся отец. К нам повалил народ. Отец привез плакаты, портреты, на которых был изображен Владимир Ильич, и рассказывал о съезде, о Ленине, о похоронах...

— Как же так — Советская власть и без Ленина?! — сокрушался старый Баляцо.

...Проучившиеся две зимы считались грамотными, способными стать даже писарем — высшее мерило образованности. Кабардинцы не представляли себе, зачем учиться дальше, если человек может прочитать то, что сам написал. Но однажды мои знания подверглись проверке. Юная соседка обратилась ко мне за помощью. Она получила записку от своего любимого, а прочитать не могла. Девушка позвала меня в глубину сада, извлекла из тайника заветную бумажку и попросила прочитать. Я развернул записку. Она была написана по-русски. Девушка с трепетом ждала перевода волшебных слов любви. Она думала, что я буду читать быстрее, чем «курица подбирает зерна». Но, увы, я с трудом прочитал первое слово «милая» и запнулся, не зная его значения. Зато я знал другое слово, близкое ему по звучанию,— «мыло», имея в виду, конечно, кабардинское произношение — «миля». Чувствуя, что сгораю от стыда, я неуверенно сказал: «Он называет тебя «мыло»...» Девушка была обескуражена. Я увидел ее наполнившиеся слезами глаза и добавил: «Не простое мыло, душистое...» На этом «экзамене» я провалился.

В 1926 году я поехал в Баксанский окружной центр, а к вечеру добрался до школы-интерната для детей большевиков, только что открытой. На второй день меня вызвал завхоз и сказал: «Будешь пасти школьную корову!»

Хотя это дело и было знакомое, но все же оно немало огорчило меня. В душе я протестовал: мол, приехал учиться, а пасти корову мог и дома. Создавалось впечатление, что коровы всюду преследуют меня, но возражать не смел: боялся наказания папахой. Оно заключалось в том, что старую папаху надевали нарушителю дисциплины. Тот носил ее до тех пор, пока не найдется другой нарушитель. Папаха переходила с головы на голову даже летом. Она сползала на глаза, то и дело приходилось ее придерживать. Была попытка сжечь папаху — безуспешно.

Начался учебный год, а занятия шли бессистемно. Ученики были предоставлены сами себе. Дисциплину поддерживал ученический комитет. В общежитии висел список воспитанников, и против каждой фамилии стояли цифры — от единицы до десяти. Строго выполнялось постановление учкома — если три пионера заметят, что кто-либо из учеников совершил недостойный поступок, собирался ученический комитет и в его присутствии у провинившегося зачеркивали одну из цифр. Каждый вечер перед сном мы проверяли «свои номера». Если у кого-нибудь они до последней зачеркнуты, то на педсовет выносился вопрос о его пребывании в школе.

В двух классах училось более тридцати ребят, среди них и малыши и переростки. Одно время школа была без заведующего. Занятия прекратились, ухудшилось питание. Воспитанники послали делегацию к председателю окрисполкома. Как только дозорные сообщили о появлении высокого гостя, духовой оркестр, во главе которого оказался я, заиграл марш. Председатель окрисполкома Туто Шуков, энергичный и живой человек, но не шибко грамотный, чтобы читать (он мог только ставить свою подпись), был тронут этой торжественностью. Шуков выслушал наши жалобы, расспросил о жизни и учебе, а потом вернулся в исполком и выделил дополнительные средства для содержания школы-интерната.

Дела пошли лучше. Нам даже прислали нового заведующего — Али Асхадовича Шогенцукова. Новый заведующий не очень разбирался в хозяйственных делах, зато был прекрасным воспитателем. Учащиеся полюбили его, запросто заходили к нему в гости. Али читал нам книжки на кабардинском и русском языках, переводил стихи с русского на кабардинский. Он открыл нам волшебный мир поэзии, о существовании которого мы и не подозревали. Слово «поэзия» звучало для нас так же таинственно и загадочно, как «Москва». Али читал свои стихи, читал Пушкина и Лермонтова... Вся его библиотека состояла из нескольких книг, лежавших под подушкой: заходи, бери, читай. К чтению он относился, как к священнодействию. Если ученик зачитался и не идет на обед, то его не беспокоили: «Дочитает — придет». А повариха оставляла обед.

Нас подкупало то, что Али Асхадович разговаривал с нами не как учитель с учениками, а как равный с равными. Иногда он советовался с нами, предлагал подсказать ему то или иное решение. Его любимый вопрос: «А что ты прочитал?»

На уроках родного языка новый учитель писал на доске стихи для упражнения по грамматике. Мы знали, что это были стихи его собственного сочинения. Ученики старались выучить их наизусть и даже напевали, переложив на знакомый мотив.

Али Шогенцуков читал экспромтом четверостишия, сложенные о ком-нибудь из нас. Встретив, например, ученика, пропускавшего уроки, он однажды сказал:

Если думаешь, что голова
Тебе нужна лишь для того, чтобы носить
шапку,
То и на шапку не заработаешь,
Когда станешь большим.

Четверостишие имело успех. Каждому хотелось, чтобы учитель сложил о нем стихи. Как заслужить такую честь? Выходит, чтобы о тебе сочинили стихи, надо совершить проступок. И мы старались обратить на себя внимание Али. Учитель понял, к чему приводят его экспромты, и прекратил «воспитание стихами». Зато многие «заразились» от него. Каждый старался удивить друзей песней или стихами, сложенными экспромтом.

В школе организовали драмкружок, который поставил спектакль по пьесе Али Шогенцукова «Горянка». Так как в нашей школе не было девочек, мальчикам пришлось играть женские роли и ходить в туфлях на высоких каблуках. Но на девочек никто не хотел походить, поэтому Али долго уговаривал упрямцев.

В языковом отношении это не представляло трудностей, потому что в кабардинском языке нет категории родов. Мне досталась роль пожилой женщины, которую удалось неплохо изобразить. Отец как-то услышал, как я подражал соседке, пришедшей к нему с жалобой. С тех пор он зазывал меня в кунацкую всякий раз, когда у него сидели гости, и просил «изобразить жалобщицу Кандышу». Гости хохотали и в награду давали пятак.

Во время летних каникул школа предпринимала культпоходы по горным аулам. Культ-

бригада имела в своем составе духовой оркестр, драмкружок, радиопередвижку. На выступления «артистов» приходило много народу. Всем было интересно увидеть ребят, воспитываемых в школе за казенный счет. Если среди зрителей оказывался человек, изъявивший желание послать своих детей в школу-интернат, то тут же записывали его имя. Во всеуслышание объявлялось о его решении, а человек этот приравнивался за смелость к большевикам.

...В пьесе по ходу действия я должен был передать бездетной женщине заклинание, написанное муллой, и с участием сказать: «...Подарит тебе наследника...» Эти слова я не мог произносить спокойно. Душивший меня смех вызывал хохот у зрителей, и сам я, позабыв о своей роли, хохотал вместе с ними. Зрители обычно сидели на полу классной комнаты в школе, потому что большего помещения в аулах не было. Сценой служило небольшое возвышение, а классная доска — кулисой. Иногда на улице собиралось так много зрителей, что открывались все окна — пусть смотрят представление! Бывало, во время спектакля на «сцену» кидали живую кошку или курицу.

Представление кончалось песней, слова и мелодия которой принадлежали Али Шогенцукову:

Вставайте с нами вместе,
Мы сорвали черный покров,
И настал день близкого счастья...

Спектакли проходили с успехом. Однако бывали случаи, когда разгневанные кабардинцы пытались сорвать спектакль, прогнать из аула «маленьких ажигаф», как они называли нас. Ажигафа — шут, одетый в маску козла, он смешит людей на свадьбах не словами, а действиями, как бы подражая козлу. То он «жует» бахрому на шелковых платках девушек, то ловко взбирается на спину случайно нагнувшегося человека, то «забодает» бородатого старика. Но у нас, «маленьких ажигаф», нашлись энергичные защитники — местные комсомольцы. Они не дали нас в обиду...

Первый «взрослый» спектакль мы видели на празднике десятой годовщины Октябрьской революции в Ленинском учебном городке Нальчика. Он был поставлен курсантами и произвел на нас неизгладимое впечатление. На представление мы шли пешком двадцать пять километров. Не каждый зритель отважится на такое путешествие, чтобы стоя посмотреть спектакль и возвращаться домой ночью.

Благодаря поэту-учителю родной язык и литература стали в школе любимыми предметами. Слова родной речи приобрели особое содержание, стали светиться, греть, приобрели музыкальность. Украдкой я и сам стал писать стихи. Разумеется, в этих робких, первых шагах влияние учителя было огромно.

Как я ни таился, моя маленькая тайна была раскрыта. «Хочет стать, как Али!» — говорили школьные друзья. А когда учитель познакомился с этими стихами, он обнял меня и долго сидел, не выпуская из объятий. Он говорил тихо. И нельзя было понять, ко мне относятся его слова или поэт вслух думает о далеком будущем. Я помню: «Дорог первый плод, по нему судят о дереве». Где плод, а где дерево, я понял лишь много лет спустя.

...Расставание с родной матерью было не столь тяжелым, как разлука с Али — любимым учителем и товарищем. Нам оставалось учиться еще год, когда он уехал в Нальчик. Нам говорили, будто сам Бетал Калмыков, узнав об Али Шогенцукове, пригласил его в город писать стихи и определил ему жалованье гораздо большее, чем оклад учителя начальной школы. Мы читали стихи учителя в газете, другого печатного органа тогда не было. Это нам казалось неслыханным делом — человек за стихи получает жалованье.

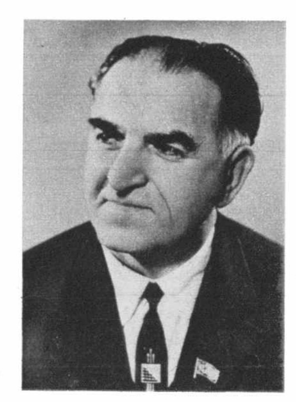
Это было не единственное диво. Все, кто знал грамоту, объявлялись культармейцами, в том числе и школьники. Каждый из нас получил задание научить грамоте не менее десяти человек. И мы каждый вечер посещали своих учеников, не очень охотно соглашавшихся постигать грамоту. То жди, пока хозяйка закончит дойку коров, то поджидай «ученика», еще не вернувшегося из лесу, то ищи его на базаре. Нередко и в полночь приходилось возвращаться домой.

Задание считалось выполненным, если ты представишь в школу справку с подписью председателя сельсовета, что твои ученики «выучили все буквы алфавита и умеют писать цифры до ста». Экзамен принимал учитель сельской школы, потому что не каждый председатель Совета мог справиться с этим.

Летом 1930 года произошло еще одно чудо. На средства, заработанные в совхозе, учащиеся нашей школы поехали на экскурсию в Москву. Это была награда юным культармейцам, отличившимся на фронте ликвидации неграмотности. Инициатором этой надолго запомнившейся экскурсии был заведующий школой Василий Петрович Трусов, человек большой души, чуткий педагог, который жил интересами воспитанников школы. Он и питался и спал вместе с нами, работал на пришкольном участке, учил нас, воспитывал.

Если Али Шогенцуков вызвал у нас интерес к литературе, то Василий Петрович привил любовь к труду. От него мы получили немало сведений, касающихся сельскохозяйственного производства, узнали много о выращивании разных культур, о новых машинах, чего раньше в Кабарде никто не знал.

...Много лет прошло с тех пор. Я стал поэтом. Но сколько бы ни писал стихов, поэм и романов, помню старинную пословицу мастеров чеканки: «Не тот мастер хорош, кто сделал красивый кувшин, а тот, кто вырастит ученика!» Мне приятно сознавать, что в те далекие годы, когда я культармейцем ликвидировал неграмотность, моими учениками были Зоя Шукова — она много сделала для развития народного образования в республике, Ахмет-Хан Канкошев — Герой Советского Союза, погибший на фронте Великой Отечественной войны, Ханафи Хуттуев — заместитель председателя Совета Министров КБ АССР... Мои ученики сами стали учителями, а это главная мечта любого мастера, любого поэта.

Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Максим ГЕТТУЕВ

Оглядись, человек:
Бесконечны земные просторы,
И привычный их облик
Всегда неожидан и нов.
Мне земля не земля,
Коль над нею не высятся горы,
Как и горы не горы,
Коль нету над ними орлов.
Белый профиль вершин
Видел я, просыпаясь утрами,
Клекот реющих птиц
Слышал я, притаясь у скалы.
На Кавказе земля
Ощетинилась грозно горами,
Над горами кавказскими
Плавно кружатся орлы.
И соседствуют здесь,
Не смущая нисколько друг друга,
Снег сыпучий
И луг,
Что лучами весны осиян,
И бестрепетно вверх,
Где шумит настоящая вьюга,
Из долины глядит
Распустившийся утром тюльпан.
Здесь у самой травы
Облака замедляют движенье,
И пасутся без счета отары
У туч на виду...
Я люблю эту землю,
И предан я ей от рожденья,
И до смертного часа
Прекрасней ее не найду.
А давно ли у нас
Солнце горестно падало наземь,
Наплывали туманы,
И ветер угрюмо гудел,
И усталый бедняк,
Разоренный владетельным князем,
Буркой, снятой с плеча,
Накрывал свой убогий надел?
Но упрямая песня
О нартской прославленной силе
Обжигала сердца
И к свободе звала из оков.
И настала пора —
Люди праведный меч обнажили,
Словно сами вершины
Пронзили гряду облаков.
Оглядись, человек:
Наши горы светлы и высоки;
Сосны тянутся к небу,
В ущельях цветет алыча.
С перевалов студеных
Срываются гулко потоки,
Исполинские камни
По жесткому дну волоча.
Там, где зной не палит,
А метели протяжны и люты,
Над гнездовьем орлов,
Над истоками пенистых рек
Для штурмующих выси
Распахнуты щедро приюты,
И скрипит под ногами
Июльский сверкающий снег.
А над пропастью ели
Привстали на кряжистых лапах
И следят, замирая,
Как мчится поодаль река,
Как свергаются воды,
Храня удивительный запах
И лазоревый отсвет
Родившего их ледника.
О кавказские реки!
Не зря их поэты воспели;
И прозрачна волна,
И быстра
И прохладна она,
И над белою галькой
Пятнистое тело форели
Пролетает, касаясь
Косым плавником валуна.
Курит трубку чабан,
Примостясь у деревьев зеленых.
На шершавой коре
Алый отсвет оставил костер.
Не спеша подойдет,
Постоит у ключа олененок
И уйдет осторожно
В сосновый таинственный бор.
На краю лесосеки,
Движок заглушив,
Лесорубы
Наклонились к земле,
Чтобы острую жажду унять:
Бьет холодный нарзан,
Леденит пересохшие губы,
И усталости нет,
И движок оживает опять.
А вокруг, а вокруг —
Пробужденье, движенье, цветенье,
Россыпь частой росы,
Разноцветные искры на льду.
Я люблю эту землю.
Я предан ей был от рожденья
И до смертного часа
Дороже ее не найду.

Перевел с балкарского
Яков СЕРПИН.

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛКОВОДЦА

«Через Карпаты» — так назвал свою новую книгу видный советский военачальник, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

Речь в этой книге идет о боевых действиях советских войск в Карпатах, начавшихся во второй половине 1944 года и продолжавшихся до конца войны, то есть о том времени, когда советские войска выполняли свою великую интернациональную миссию, освобождая народы Европы от фашистского ига. В число крупных операций, которые вели наши войска в этом районе, входит и так называемая Восточно-Карпатская операция — одна из славных героических страниц в истории Вооруженных Сил СССР.

Эта операция обогатила советское военное искусство опытом ведения сражений и боев на горном театре военных действий, опытом, который не потерял своей ценности и актуальности и ныне, в век ракетно-ядерного оружия.

Карпаты... Неприступные горные хребты. Бешеные реки. Дремучие леса. В ходе первой мировой войны русским войскам так и не удалось одолеть горные вершины и захватить перевалы, занятые дивизиями германского кайзера. Тридцать лет спустя этот подвиг совершила армия страны победившего социализма.

Войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с 1-м и 2-м Украинскими фронтами в жарких боях сломили упорное сопротивление врага, одну за другой взломали многочисленные, оснащенные по последнему слову тогдашней техники линии обороны, которые гитлеровские генералы считали неприступными, захватили перевалы, преодолели Главный Карпатский хребет и вышли на территорию Чехословакии, на Венгерскую равнину, облегчив и ускорив развитие дальнейшего наступления в глубь Германии и Венгрии.

Борьба за освобождение Чехословакии носила длительный и упорный характер. Расположенная в самом центре Европы, страна занимала важное стратегическое положение. К лету 1944 года ее значение еще более возросло: Чехословакия являлась для фашистской Германии основным связующим звеном между группировками войск, действовавшими на варшавско-берлинском и будапештско-венском направлениях.

На главном направлении, на одном из самых трудных участков фронта, действовала 1-я гвардейская армия, которой командовал в то время генерал-полковник А. А. Гречко. Потому-то автор с таким знанием дела, со многими деталями и подробностями рассказывает о подготовке и ходе Восточно-Карпатской операции и о действиях 1-й гвардейской армии в частности. Еще бы! Многие подвиги совершались у него на глазах, такова особенность горного театра — здесь нередко командарм и солдат шли рядом, плечом к плечу и, как точно подметил автор книги, буквально прогрызали оборону врага, наступая по труднопроходимой горно-лесистой местности.

Советский солдат на своих плечах вынес основную тяжесть второй мировой войны. Он, и никто другой, выиграл труднейшие ее сражения, отстоял свою землю и освободил многие народы Европы. Поэтому особенно запоминаются строки, в которых прославленный полководец отдает должное подвигам простых бойцов, и здесь, в неприступных Карпатах, проявлявших героизм на каждом шагу.

Нельзя без волнения читать о подвигах разведчика младшего сержанта И. М. Недвижая, рядового С. М. Полулиха, кубанского хлебороба сержанта В. П. Иваненко, старшего сержанта Джумана Каракулова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота. Да, героизм был поистине массовым. Гвардейцы 1-й армии, как и все воины 4-го Украинского фронта, не жалели крови и жизни, чтобы ускорить освобождение чехов и словаков, почти шесть лет томившихся под игом фашистов.

А как необыкновенно сложно вести политическую работу, когда войска наступают в горах! Но советские политработники и в этих условиях умели доходить до каждого солдата, разъяснять задачи, читать сводки Совинформбюро, доставлять газеты и обращения. Словом, и партийно-политическая работа шла, несмотря на трудности, как всегда. И перед боями солдат и офицеров принимали в партию и комсомол. А если надо, политработник, заменив сраженного пулей командира, сам поднимал бойцов в атаку. Среди тех, кто вел эту работу, кто поднимал дух бойцов и всегда находился рядом с ними, деля все походные тяготы, был и Леонид Ильич Брежнев... Автор приводит донесение начальника политотдела 18-й армии генерал-майора Л. И. Брежнева Военному совету и политуправлению 4-го Украинского фронта:

«Наступательная операция в Карпатах была сопряжена с огромными трудностями. Предстояло с боями преодолеть толщу горной цепи шириною свыше 100 километров, пройти (часто по бездорожью) Ужокский и Верецкий перевалы, протащить транспорт и тяжелую материальную часть по единственным двум дорогам (ужгородская и мукачевская), сплошь заваленным и подорванным противником». Обо всем этом, о трудном, опасном, но благородном труде коммунистов - политработников не забывает упомянуть автор на страницах книги.

Автор тепло пишет и о партизанском движении в Чехословакии, о той помощи, которую оказывала наша страна братскому чехословацкому народу. В партизанских отрядах рука об руку бились против общего врага и чехи, и словаки, и русские. Многие из прославленных советских партизан — Герои Советского Союза А. С. Егоров, В. А. Карасев, известный партизанский командир подполковник М. И. Шукаев и другие — возглавили многие отряды, группы и бригады, действовавшие на территории Чехословакии под общим руководством А. Н. Асмолова, учили своих друзей нелегкому партизанскому искусству.

Читатель найдет в книге подробное описание Словацкого восстания — одного из выдающихся событий в борьбе европейских народов против фашизма.

Маршал А. А. Гречко показал, что наступление в направлении на Дуклю, Прешов является собой пример боевых действий, проведенных исключительно в интересах поддержки народных масс, восставших под руководством Компартии Словакии против оккупантов и их приспешников.

Немало страниц книги посвящено боевой дружбе советских и чехословацких воинов. Эта дружба скреплена кровью, совместно пролитой в боях с фашистами как на советской земле, так и при освобождении Чехословакии. Маршал Гречко подробно остановился на действиях 1-го чехословацкого армейского корпуса под командованием Л. Свободы в Восточно-Карпатской операции. Непреклонная воля к победе и героизм помогли нашим братьям по оружию — солдатам и офицерам этого прославленного соединения преодолеть все трудности и 6 октября, овладев совместно с советскими войсками Дуклинским перевалом, вступить на землю Чехословакии. С тех пор 6 октября объявлено Днем Чехословацкой Народной Армии.

Очень интересны и те страницы книги маршала А. А. Гречко, на которых он разоблачает деятельность лондонского эмигрантского правительства Бенеша, предпринимавшего все, чтобы не допустить Советскую Армию в Чехословакию. Бенеш и его коллеги надеялись, что страну освободят западные союзники и что на ее территории будут восстановлены домюнхенские порядки. Автор убедительно показал, как лондонские эмигранты пытались сорвать организацию чехословацких вооруженных сил в СССР и даже не остановились перед попыткой расформировать корпус Людвика Свободы.

Несколько глав книги посвящено действиям частей, соединений и объединений в Западно-Карпатской, Моравско-Остравской, Пражской и других наступательных операциях, последовавших вслед за Восточно-Карпатской. Маршал с любовью и волнением рассказывает о своих фронтовых соратниках. Многие из них ныне видные партийно-государственные деятели и военачальники — Л. И. Брежнев, А. А. Епишев, В. П. Мжаванадзе, К. С. Москаленко.

Есть и еще одна важная особенность книги маршала А. А. Гречко — наряду с личными воспоминаниями в ней приводятся документы наших архивов и материалы архивов и музеев Чехословакии, почти совсем неизвестные советскому читателю.

А. ГОЛОБОРОДОВ,
П. ВЛАДИМИРОВ.

А. А. Гречко «Через Карпаты». Воениздат. Москва, 1970.

ВОЗВРАТА НЕТ

ПОВЕСТЬ

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

* * *

— Посмотри-ка, какую я ночью корягу вытянул на берег,— похвалился он ей однажды, показывая под яр.

Заглянув туда, она ужаснулась:

— Сам?!

Он довольно рассмеялся:

— А кто же еще! Правда, большая? Но ты, когда по воду пойдешь, пожалуйста, еще больше ее подтяни, а то ее может течением сорвать. На это у меня пока силенки не хватило.— И он виновато улыбнулся.

С недоумением глядя на большую, с узловатыми корневищами корягу у подошвы яра, она спросила:

— Зачем она тебе?

В свою очередь, удивился он:

— Как зачем? Мне, пока еще вода теплая, надо уходить. Иначе мне ни за что Дон не переплыть.

Она попробовала возразить:

— А может, Николай, тебе лучше тут дождаться, когда фронт начнет двигаться назад?..

И мгновенно осеклась, впервые увидев, каким чужим, даже враждебным, беспощадно синим может быть его взгляд из-под белесых бровей.

— Приймаком у тебя под подолом, да? Для этого ты тут и откармливаешь меня?!

Она даже рукой заслонилась от него:

— Что ты, Николай!

И тут же, отводя ее руку своей, он заглянул ей в глаза.

— Ты прости, Антонина. Не могу я и дальше в этой яме от каждого шороха дрожать. Я ведь себе уже на всю дорогу сухарей насушил. Если до Сталинграда идти, то как раз мне должно будет хватить недели на две. А там я по голосам наших пушек через фронт проберусь.

Еще раз она попыталась разубедить его:

— Ты же совсем слабый еще, а под яром течение так и бьет, потому он всегда дрожит. Тебя под него может сразу затянуть.

Он с уверенностью усмехнулся:

— Зачем же я эту корягу причалил? Если с нею переплывать, не затянет. И если им захочется ночью по Дону прожектором пошарить, под ней не видно. Мало ли коряг по течению плывет...— И, безошибочно читая у нее на лице обуревавшие ее чувства, успокоил: — Ты, пожалуйста, не бойся за меня, я от самой румынской границы через все реки на чем попало переправлялся. С пушками и без пушек. Ты пойми, Антонина, не могу я тут больше ни одного дня сидеть, пора уже мне прибиваться к своим. У нас на батарее даже конь, когда ему по колено оторвало ногу, на трех ногах все время пристраивался на свое место в упряжке, пока не пристрелили его.

И, глянув в его тоскующие сине-синие глаза, она поняла, что больше уже не следует его разубеждать. Все равно бесполезно. Тут же, впервые заглянув в самое себя, с пронзительной остротой почувствовала, что́ все это должно было для нее означать. Поняла и ужаснулась тому, какая ее ожидает потеря.

Это было нечто совсем иное, чем то, что испытывала она к своему покойному мужу. Теперь только начала понимать, что и замуж за него выходила скорее из благодарности за то, что именно на ней остановил свой взор этот серьезный, всеми уважаемый человек, о котором и в газетах писали как о лучшем директоре МТС, в то время как она была почти совсем еще девочка и ничуть не лучше своих подруг по бригаде из колхозного виноградного сада. Из благодарности она вышла за него замуж и жила хорошо, спокойно, в уверенности, что это и есть любовь. И когда перед самой войной он утонул, ушел вместе с машиной под лед, переправляясь с сеном через Дон, она горевала тем сильнее, что на руках у нее оставался сын, которого ей теперь без отца надо было поставить на ноги и вывести в люди.

Но только теперь, сравнивая, могла убедиться, что любовь — это нечто совсем другое. Это когда и в темной, глухой яме вдруг станет совсем светло. И это когда смешанный запах окровавленных бинтов и мужского пота пронзает сердце, а память об унылых сиреневых лепестках колючей дерезы, в которой прячется яма, потом сопутствует как память о лучших цветах в твоей жизни.

Но, когда однажды Никитин, теперь уже совсем окрепший, все-таки потянулся к ней, она решительно высвободилась из его рук.

— Нет, этого, Николай, не надо делать.

Он искренне удивился:

— Почему? Ты же свободная, и я свободен. И я ведь после войны все равно к тебе вернусь. Кто нам может помешать?

— Никто, Коля, не помешает. Вернешься, и оно от нас не уйдет. И тебе еще нельзя волноваться. Еще слабый ты.

И чего бы это ни стоило ей, она не уступила ему. Немыслимо было для нее прямо из грязных лап этого денщика переходить в его руки. Не хотелось с самого начала осквернять их любовь никакой, пусть вынужденной ложью. А там пройдет время и, может быть, смоет то, что не по ее вине прикипело к ней.

* * *

Между тем денщик в непоколебимой уверенности, что ей не могут не быть приятны его слова, высказывался:

— Теперь мне посчастливилось лично донской казачка узнавать.

И в той же уверенности окончательно переселился к ней в летнюю кухню. По его словам, он еще до этого имел возможность оценить русских женщин, и, казалось бы, его уже не удивить. Но тут он удивлялся, как это Антонине с ее грубой крестьянской жизнью и работой удалось остаться такой... У его жены Анхен после рождения первого же ребенка грудь стала, как два мешочка, и от ног ее, больших и жестких, никуда нельзя было деться. Самые лучшие мази, на которые она тратила уйму денег, не могли перебить совсем мужского запаха ее кожи. Антонина, как он уже успел убедиться, совсем не прибегает к мазям...

И он принимался обнюхивать ее. От отвращения она проваливалась в беспамятство и, приходя в себя, ощущала, как если бы все это происходило не с ней, а с какой-то другой женщиной. Не ее, а кого-то другого распяли, и она смотрит на это со стороны. Может быть, только это и спасало ее. Ее поруганное, нечистое тело не принадлежало ей, жило отдельно от нее самой.

— Теперь я тебя еще больше стал уважать,— говорил Никитин, глядя на нее светящимися в полумраке ямы глазами.— Я обязательно к тебе, Тоня, вернусь, если, конечно, ты не будешь возражать.

Ей стоило больших усилий не уступить ему после этих слов. У нее жалко задрожали губы:

— Я-то, Коля, не буду, только бы ты остался живой.

У него блестела под отросшими за это время усами улыбка:

— Меня теперь никакое лихо не возьмет. Раз ты меня под самым носом у немцев сберегла, значит, я наверняка уцелею. От меня сама смерть должна будет отступиться. Теперь я, считай, от любой пули заговоренный.

Если бы только знала она, что ожидает ее уже на другой день после этого разговора. Когда она, как обычно, на самой ранней, еще зеленой зорьке ускользнет из лап объятого мертвецким, пьяным сном денщика и поспешит меж кустами виноградного сада все туда же, где по кромке яра колючей проволокой непролазно плелась, свивалась стеблями дереза, а из нее торчали рдяные головки татарника...

Если б могла знать, раздвигая руками колючие стебли дерезы и наклоняясь над ямой, что вдруг глянет и дохнет оттуда ей навстречу страшной, нежилой пустотой. И что нигде вокруг в дерезе, где обычно лежал он со своим биноклем, когда вылезал из ямы, не будет его. Напрасно станет искать она лихорадочно заметавшимся по сторонам взглядом. И, все еще отказываясь поверить, только после этого глянет под отвесную суглинистую стену яра, орошаемую снизу, из бурлящей коловерти, мельчайшими капельками воды, чтобы не увидеть на своем месте большой, накануне выловленной им из Дона коряги.

Из оцепенения вывел ее радостный возглас денщика за спиной:

Продолжение. См. «Огонек» № 34.

— Так вот где я тебя, Антонина, находил. Ты, конечно, думал, что после твоего ладанного вина Иоганн будет младенчески отдыхать, но у него только один глаз спал, а другой смотрел, как ты яйки и пирожки в ведро собирал и куда-то носил. Ну-ка, давай показывать, для кого ты их собирать.

Он уже не ухмылялся, вцепившись ей пальцами в плечо и поворачивая к себе, чтобы заглянуть ей в глаза своими стоячими, без ресниц глазами. Внизу под ними, под крутизной яра, непрестанно клокотала на слиянии струй Дона со струями Донца коловерть, разбрызгивая капли воды, окровавленные размытой красной глиной. Но, может быть, это и под лучами ранней зари так вспыхивали они.

— Теперь я буду лично узнавать, какой русский змея на своей собственной груди согревал,— говорил денщик, одной рукой все глубже впиваясь ей в плечо, а другой нашаривая у себя на боку кобуру с пистолетом.

Все свое отчаяние и всю уже испепелившую ее дотла ненависть вложила Антонина в один короткий и страшный толчок, и сама, нагнувшись вперед, едва удержалась на кромке яра. С ужасом, отшатываясь, только и успела увидеть, как, запрокидываясь назад, Иоганн судорожно хватался за колючие стебли дерезы, а они ускользали из его рук.

Больше ничего не увидела и не услышала она из-под яра.

Да и как же было услышать, если там и без этого все время булькала, клокотала коловерть, из которой, сколько она помнила себя, еще никому, кого затягивало под яр, не удавалось выплыть. Ни людям, ни быкам, когда они в этом месте переплывали через Дон на зеленое жирное займище.

Теперь только, пока еще не проснулся майор и не хватился своего денщика, надо было успеть все вынести из ямы, убрать и вообще уничтожить всякие следы, что она могла быть жилищем человека. Убрать и лопатой осыпать по краям ямы глину... Самая обыкновенная яма, из которой хозяйка, когда ей требуется, берет для своих домашних нужд красную глину. Вот и сегодня понадобилось ей обмазать, обновить снаружи давно облупившиеся стены летней кухни.

А за все остальное какой с нее может быть спрос? Мало ли, если этот денщик, на которого уже и сам начальник его, майор, смотрел как на неисправимого алкоголика, мог заблудиться и даже свалиться по пьянке с яра. Ничего странного, если и самому майору уже не раз приходилось отправлять его за пьянство в станицу, в ортскомендатуру на отсидку.

Судя по всему, после недолгих поисков своего денщика склонился к этому и майор. Тем более что через три дня труп Иоганна, раздувшийся и разбухший, но без единой царапины и вообще без каких-нибудь признаков насильственной смерти, в мундире и сапогах, полицаи братья Табунщиковы выловили из Дона у самого хутора Вербного в полустах километрах по течению ниже Красного яра.

* * *

И тогда, когда волна фронта покатилась от Сталинграда обратно через Дон, она тщетно поджидала и выспрашивала о лейтенанте Никитине у артиллеристов всех проходивших через хутор батарей; и потом, когда фронт ушел уже на запад, так и не пришло ответа на все ее запросы по номеру полевой почты, который она запомнила с его слов. Но, в сущности, и нельзя было ей на это обижаться, потому что ни женой она ему не была, ни сестрой, а просто одной из тех знакомых, что заводятся почти у всех военных там, где проходит фронт. И нечего было ей, раздвигая бурьяны в углу сада и заглядывая в темное отверстие ямы, все еще надеяться на что-то. Это ей только почудиться однажды могло, что из ямы вдруг как розовым солнцем блеснуло ей по глазам. А вообще-то там всегда было пусто, темно и глухо. И сама дереза, дичающая на яру, все гуще затягивающая яму, цвела безжизненно, тускло. Самая сорная из сорных трав. Если теперь взяться уничтожать ее, то надо уже не тяпкой, а топором.

Не дождалась она не то чтобы стука в калитку, а хотя бы какой-нибудь весточки от него и тогда, когда уже началось возвращение в станицы и хутора демобилизованных с фронта. Значит, и незачем было ей больше тешить себя, а наглухо завязать где-то в себе то, что теперь уже не должно было сбыться. Пусть и там оно зарастает дерезой. И, наглухо завязав это в себе, целиком посвятить себя тому, что вдруг неожиданно для нее самой свалилось ей на плечи.

Сразу же после того, как прошел через хутор фронт, избрали ее женщины председателем колхоза. В то самое наитруднейшее время, когда все еще дымилось, было разорено и сожжено, а по хуторам и станицам оставались одни только вдовы с детишками и, чтобы вспахать землю под яровые, надо было приучать к ярму тех коров, которых не успели съесть и угнать с собой немцы.

Ничего в колхозе после них не осталось — ни доски, ни гвоздя, а надо было и восстанавливать и строить новое. Вот тогда-то, когда получили первый послевоенный урожай, а Неверов, пыхнув из своей трубочки прямо ей в лицо, сказал, что райком не лесная биржа, но если пшеница намокнет и погорит в буртах, то все равно у председателя колхоза голова с плеч,— тогда она и решилась. Выменяла на шахте за десять бочек виноградного вина десять машин крепежного леса и сквозь выстрелы заградпостов прорывалась по ночам из города в степь. Тогда и Неверов аплодировал ей громче всех, поднимая над головой руки и смеясь, когда она каялась на районной партконференции:

— Они стреляют вдогон, а я Ваське кричу: «Жми на всю железку!» Так и езжу теперь с пробитым пулей стеклом. Если по правде, то меня за это надо из партии исключить.

Накликала.

* * *

Всю дорогу из райцентра, с заседания бюро, до самого хутора Антонина так и ехала в бедарке, как во сне, с брошенными на колени вожжами. Очнулась только тогда, когда лошадь уже остановилась перед воротами дома. Сама нашла дорогу по вечерней степи.

Открывая калитку, как-то не удивилась и тому, что в окнах горит свет, хотя давно уже, со времени отъезда Гришатки в город, в техникум, некому было в ее доме, кроме нее самой, зажигать лампу. И только уже толкнув коленкой незапертую дверь из сенцев в дом, мгновенно пришла в себя. Зажмурилась, как от яркого света, заслоняясь ладонью и чувствуя, как дощатые половицы стремительно уходят у нее из-под ног куда-то вверх и в сторону.

— Что ты?! Что ты?! Это же я! — подхватывая ее, испуганно говорил Никитин.

— Ты?

— Ну да, я.

— Нет, это ты? — обвиснув у него на руках и не открывая глаз, переспрашивала она.

— А кто же еще? Может, ты кого-нибудь другого ждала? — смеясь и заглядывая ей в лицо, отвечал Никитин.— Я же сказал, что вернусь. Что же ты, Антонина, так дрожишь? Успокойся, Тоня, что с тобой?!

Она уже не слышала его.

Но и теперь она не могла допустить его до себя, так и не сняв с своих плеч давний и страшный груз...

После долгого и пугающего молчания он сказал чужим голосом:

— Бедная ты. Все из-за меня. Чем же я тебе смогу за все заплатить?

— Что ты, Коля, ты уже заплатил, что остался живой. И что не забыл меня,— плача, говорила она, счастливая и тем, что он все понял, простил, и тем, что на ее долю выпала такая любовь, которая, оказывается, способна смыть все нечистое с тела и с души, она все смывает.

Она не задавалась вопросом, любит ли и он ее. Если б не любил, не вернулся бы. А его затопило ее чувство. Слова были излишними. Разговаривали руки.

* * *

Никто не может знать наверняка, как завтра распорядится жизнь. Тот же Неверов, когда через неделю Никитин приехал в райком становиться на партийный учет, осведомился у него:

— Ну, и как же ты думаешь жить дальше, герой Отечественной войны?

У Никитина готового ответа на этот вопрос еще не было.

— Сперва бы надо освоиться, товарищ секретарь райкома.

— И долго же ты думаешь осваиваться, герой войны? Конечно, теперь тебе полагается заслуженный отдых и почет, а кто же тогда, спрашивается, будет колхозы на ноги поднимать? Опять те же самые вдовы с малыми детьми?

Как-то так получалось у него, что Никитин, не чувствуя за собой никакой вины, уже оказался виноватым перед этими вдовами и детьми. Он запротестовал:

— Ничего такого я не думал и не говорил, товарищ секретарь.

Однако Неверов уже знал, как безошибочно действует этот психологический прием на бывших фронтовиков, и решил воспользоваться им до конца.

— Но то, что у нас теперь каждый мужчина ценится дороже золота, ты и сам должен хорошо понимать. Тем паче такой здоровый мужчина, как ты. Сейчас у нас повесь во дворе на веревку мужские штаны сушить — полрайона сбежится. Хочешь, мы тебя можем на самой красивой казачке женить?

Никитин сдержанно улыбнулся.

— За это спасибо, но я, товарищ секретарь...

— Уже успел? Вот это действительно герой. На ком же, если, конечно, не секрет.

— Есть тут у меня одна знакомая... Каширина Антонина.

Неверов полез рукой под стол за своей трубкой, которую он по давней привычке носил за голенищем сапога.

— Что ж, нельзя сказать, чтобы она была в нашем районе из самых красивых, но, во всяком случае, женщина видная и вообще...— Неверов описал в воздухе руками две волнообразные линии.— Мы тут, правда, недавно вынуждены были ею заниматься, но одно к другому не относится. Для твоей личной жизни это препятствием не может послужить. Может быть, и перегнули, сам понимаешь, иногда обстановка диктует. Жаловалась, небось?

— Я, товарищ секретарь, от вас первого об этом узнаю.

Неверов блеснул очками.

— А! Гордая. Ты давно с нею знаком?

— Я у нее, раненный, от немцев скрывался.

Вынув изо рта трубку, Неверов стал ковырять в ее гнездышке спичкой.

— Это несколько меняет дело. Скажи ей, чтобы подала заявление, и мы свое решение об исключении ее из кандидатов партии, возможно, пересмотрим. Я говорю: воз-мож-но,— потому что решаю, как ты должен понимать, не только я. Но все-таки председателем колхоза в любом случае мы ее не могли оставить. Как-никак, у нее в доме размещался немецкий штаб. А для тебя, герой Отечественной войны, теперь появились еще и дополнительные основания пойти на этот колхоз.— И, откидываясь на спинку кресла, Неверов воркующе засмеялся.

У Никитина даже спина вспотела от его смеха. События развивались столь стремительно, что он окончательно растерялся.

— Какие, товарищ Неверов, основания? Куда пойти?

Обрывая смех, Неверов откачнулся от спинки кресла к столу.

— Ты и в боевой обстановке был такой же тугодум? Ты на фронте последнее время чем командовал?

— Артдивизионом.

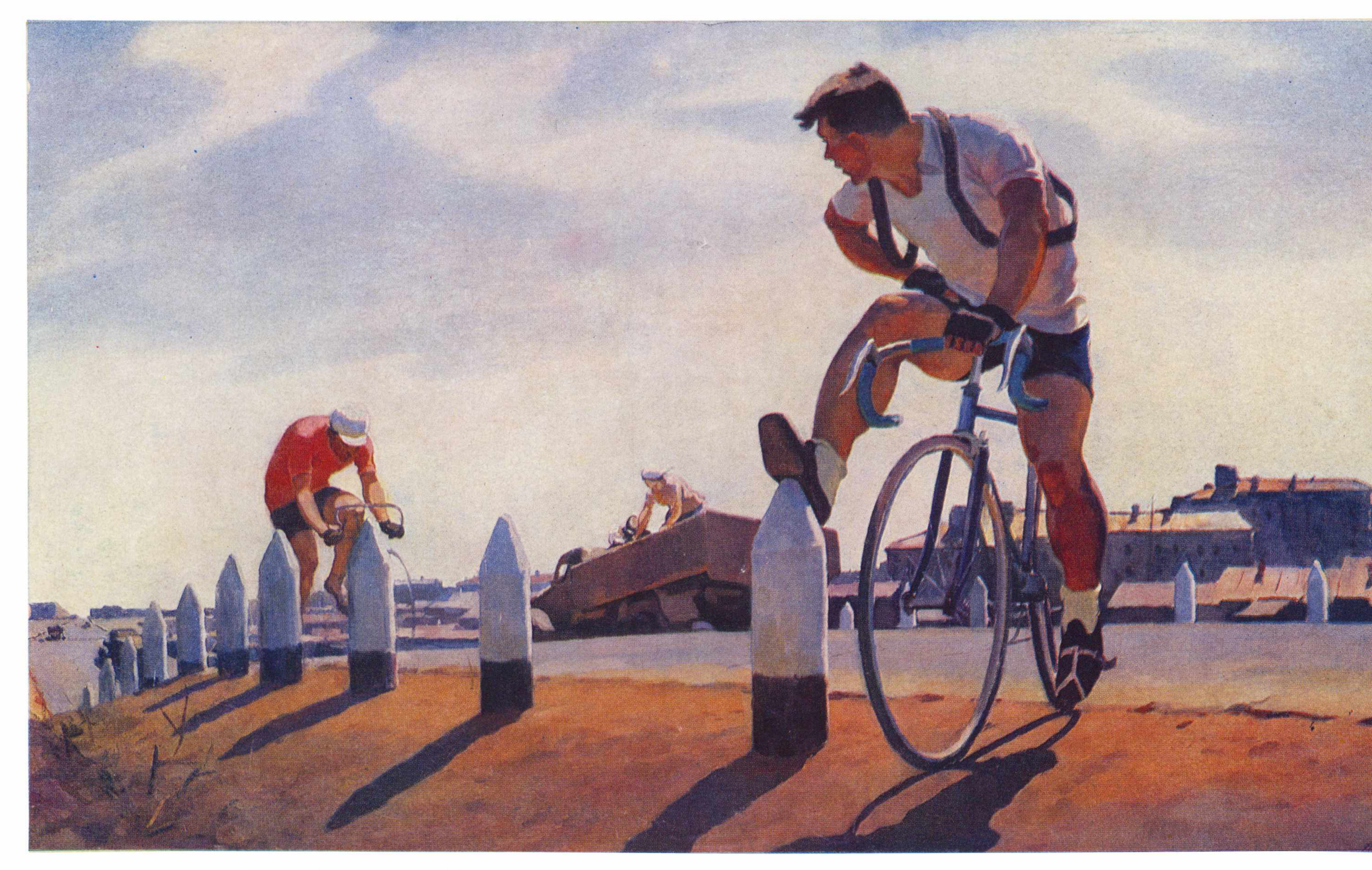
— А председатель колхоза — это тот же командир полка, если не дивизии. В твоем колхозе после укрупнения будет восемь тысяч га одной только пшеницы, а всех угодий — тринадцать тысяч га. С лугами и с виноградными садами.

Теперь только Никитина осенила догадка. Он взмолился:

— Да я же, товарищ Неверов, в сельском хозяйстве...

Но секретарь райкома Неверов взял свою трубку за чубук и пригвоздил его, как штыком.

— Не ты первый, все так говорят. Научишься, наберешься опыта. Испугался ответственности, тоже мне герой Отечественной войны. Сейчас мы опросом примем решение бюро райкома, а на неделе проведем там собрание, и примешь от Кашириной ключи. Как говорит-

П. Оссовский. НА ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЕ

III Всесоюзная художественная выставка
«Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

На развороте вкладки: **А. Дейнека.** ЭСТАФЕТА ПО КОЛЬЦУ.

6
3

А. Клявиньш (Лиепая). БАСКЕТБОЛ.

III Всесоюзная художественная выставка
«Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

ся, из рук в руки. Она же тебя и в курс дела введет. Это теперь и для нее дело вашей семейной чести. Надеюсь, из-за этого не испортится ваш медовый месяц. Гордячка! Жену ты себе, герой, выбрал с характером на весь район.— Неверов повел, как от холода, плечами и покрутил на столе ручку телефона.— Молчанов? А ты говорил, что подходящей кандидатуры на бирючинский колхоз нет. Надо райисполкому людей знать. Зайди-ка на пять минут.

В величайшем смущении и в растерянности вернулся Никитин из поездки в райцентр. Виновато отводя взгляд в сторону, рассказал Антонине о совсем неожиданном для него повороте разговора с Неверовым. Теперь Неверов был далеко, и, не чувствуя на себе воздействия его насмешливо-испытующего взгляда и его слов, которые тот умел хитроумно расставить, как силки, загоняя в них человека, Никитин под конец своего рассказа совсем возмутился:

— Все равно этому не бывать! В обком поеду, до первого секретаря дойду. В наше время взять человека, который не умеет комбайна от трактора отличить, и послать его председателем в колхоз — да это же явное самодурство. Утром же еду в обком.

А сам все время избегал встречаться со взглядом Антонины. Ему было стыдно, как никогда еще в жизни. Вот как, оказывается, он мог заплатить ей за все то, что она сделала для него. За ее любовь. Все это было бы равносильно предательству, а он ни в бою, ни вообще в своей жизни никогда еще шкурником не был. И никакие Неверовы не заставят его отступиться от самого себя, стать другим человеком. Как бы он после этого стал смотреть в эти бесконечно преданные ему глаза? И как он мог допустить, чтобы его, фронтового командира, у которого у самого была под начальством не одна сотня людей — и в какой обстановке! — как мог позволить, чтобы его так обвел вокруг пальца этот хитрый черноволосый человек в очках, исподтишка посасывающий свою трубку?

— Не бывать! Какой из меня предколхоза, курам на смех?! Завтра же еду в обком и наотрез откажусь.

И впервые с облегчением он прямо взглянул в глаза Антонине.

Вопреки его ожиданию он не встретил у нее поддержки. Совсем наоборот. К его изумлению, она отнеслась ко всему совершенно иначе.

— И не подумай, Коля,— терпеливо выслушав его, решительно сказала она.— Тут Неверов тебе правильно сказал: готовых председателей колхозов не бывает. Если ты на фронте столькими людьми командовал, то с нашим колхозом справишься. У нас в хуторе другого подходящего мужчины сейчас нету, одни старики да подростки. А женщины уже свое откомандовали, пора и на покой. Надо, Коля, и мне отдохнуть. Если ты еще из-за меня так горячишься, то это зря. Это ты напрасно. Тебе сейчас не обо мне надо думать — о колхозе. И это же хорошо, что наш колхоз не в какие-нибудь чужие руки попадает. Это, Коля, очень хорошо. Еще прислали бы кого-нибудь вроде тереховского Черенкова, который еще до войны в нашем районе три колхоза до ручки довел и теперь четвертый пропивает. А мне и так и так с Неверовым не работать. Справишься, Коля, еще как справишься. Ты у меня смелый, вон, смотри, сколько у тебя всяких наград, а их кому зря не дадут.— Она дотронулась до его орденов и медалей.— На первых порах, если будет нужно, и я тебе в чем смогу помогу, а там ты и сам пойдешь, без моей подсказки.

Он ожидал, что она обидится, чувствовал себя виноватым перед ней, а она обрадовалась за него. И вся ее обида, что так несправедливо с нею обошлись, без остатка растворилась в ее любви к нему. Чем больше он смотрел на нее, тем больше удивлялся ей. Чем и как он отплатит ей? И любит ли он ее так же, как она его?..

Один раз только во время этого разговора она ненадолго потускнела.

— Но на отчетно-выборное собрание, Коля, когда тебя будут рекомендовать, я не пойду. На всех наших собраниях я всегда была, а тут мне нельзя идти. Ты меня прости. Если я на собрании буду сидеть, я могу всему помешать. У нас хутор дружный, казачий хутор, а тебя люди еще не знают. Если я приду на собрание, они тебя могут не выбрать.

Она ошиблась только наполовину. На собрании ее не было, но от этого страсти, три вечера подряд сотрясавшие стены тесного хуторского клуба, не стали менее бурными. И личное присутствие секретаря райкома Неверова не помогло, а как будто даже больше подливало масла в огонь. Едва Неверов, вставая со своего места за столом президиума и вынимая изо рта трубку, начинал говорить: «По рекомендации бюро райкома предлагаю избрать председателем колхоза имени Буденного...»— как зал, перебивая и заглушая его, разражался криками:

— Каширину!

— Антонину Ивановну!

— Приезжих захребетников нам не надо!

— Нам и с Кашириной хорошо!

Мрачнея, Неверов стоял под градом этих криков и опять садился на свое место, втыкая в рот трубку, окутывался дымом. Зал похохатывал.

— Табаку не хватит.

— Настюра, сбегай принеси самосаду, у тебя много!

— Не-е, он самосад не потребляет!

— От него дух тяжелый!

— От кого?

— Тю, дура баба!

Перепадало и Никитину. Он не помнил, чтобы и на фронте когда-нибудь чувствовал себя так же плохо, как под этим навесным огнем остроязычных хуторских казачек:

— Вот это у Антонины квартирант!

— Отблагодарил.

— Нет, он, видно, не по своей воле.

— Пасмурный сидит.

— Все они на готовое мастера!

И снова разламывались стены клуба:

— Не хотим ни военных, ни с орденами!

— Каширину!

— Антонину-у!!

Три вечера подряд начинали собрание, как только хуторские сады окутывали сумерки, и трижды расходились ни с чем, когда за Доном уже большим тюльпаном зацветала заря, распуская по небу лепестки лимонно-желтого и бледно-алого света. Брехали по хутору собаки, горланили петухи, приветствуя рассвет.

Когда Никитин в это раннее время возвращался домой, Антонина ни о чем не спрашивала у него. Ей достаточно было лишь взглянуть на его лицо. С каждым днем оно все больше темнело и как будто заострялось. Лежа на кровати, он смотрел прямо перед собой на потолок блестящими глазами. Однажды только она виновато положила ему голову на грудь.

— Бедный.

Ничего не сказав, он легонько отвернулся от нее.

На четвертый день Неверов сказал Никитину в правлении колхоза:

— Без присутствия твоей драгоценной супруги тут, как видно, не обойтись. Чувствуешь, как она весь колхоз прибрала к рукам? Прямо вождь народа в масштабе одного хутора. Придется нам еще этим заниматься. Иди и скажи ей, что как бывший кандидат партии она обязана партийную линию проводить в жизнь.

— Вы бы, товарищ Неверов, сами все это и сказали ей,— ответил Никитин.

Неверов замахал обеими руками.

— Ну нет, это я не берусь, еще неизвестно, чем все это может кончиться. Она на меня особенно злая. Ты, Никитин, своей жены еще как следует не узнал: это с тобой она, должно быть, ласковая, а меня может и кочергой угостить.

— Нет, товарищ Неверов, она в этом вопросе, наоборот, на вашей стороне.

— Вот как? Она тебе сама сказала?

— Сама.

— Вот я и говорю, что на нее надеяться нельзя, еще неизвестно, какая ее через пять минут оса ужалит. Тебе она говорит одно, а меня увидит — и опять в ней может кровь взыграть. Казачки, они злые. А я по таким пустяковым поводам не намерен свой авторитет в районе подрывать. Как ты должен понимать, дело тут не только во мне. Еще до обкома дойдет. Нет, Никитин, тебе тут быть председателем, ты это дело и обеспечь. Демократия демократией, а по воле волн ее тоже нельзя пускать.

— Она, Павел Иванович, сказала, что не может на собрание пойти.

— А я что говорил: гордячка на весь район. Она тут из меня на пленумах и конференциях не одно ведро крови выцедила. Откровенно говоря, еле избавились. Не завидую я тебе, но это уже особый и твой личный вопрос. Я в него не вмешиваюсь, хотя, конечно, в наше время личных вопросов не бывает. Иди сейчас же к ней и считай, что это ты выполняешь партийное поручение. За невыполнение партийного поручения знаешь что бывает? В данном случае это не твое семейное дело. Независимо ни от чего наша задача эти нездоровые настроения сбить. Теперь для нас это уже вопрос принципа. Ступай, ступай. Какой же ты будешь герой Отечественной войны, если свою собственную женушку не сумеешь оседлать. А как же ты ночью...— И, увидев, как при этом начинает меняться лицо Никитина, тут же выставил руку ладонью вперед.— Шучу, шучу. В общем, выполняй.

Легко ему было произнести это слово «выполняй», а Никитину, получалось, надо было самому домогаться от нее, чтобы она своими же руками подсадила его на тот самый председательский стул, на котором до этого сидела сама. Это после всего того, как с нею обошлись.

У него скорее всего так и не повернулся бы язык начать с нею этот разговор, если бы она вдруг сама первая не начала его. В тот же самый день, когда он пришел из правления домой на обед, она встретила его словами:

— Все-таки, Николай, я вижу, не миновать мне сегодня вечером на собрание идти.

И здесь он опять увидел ее совсем поновому. Она вышла на край сцены в хуторском клубе строгая, в хорошо сшитом синем костюме. В петлице краснел цветок гвоздики. На лице у нее не было и следа той любящей готовности, которую уже привык видеть у нее Никитин.

Внимательно обвела глазами до отказа заполненный людьми зал небольшого клуба.

— Обрадовались дети, что матери дома нет,— сказала совсем негромко, но каждое слово ее было отчетливо слышно — такая установилась тишина.— А в садах на лозах пусть несрезанный виноград гниет, и в степи ветер зябь пашет. Должно быть, и правда захотели себе в председатели Черенкова.— Она слегка повернула голову в сторону Неверова, укрывшегося при этих словах за пеленой дыма.— Вам, Павел Иванович, ничего не стоит эту просьбу уважить, пусть Черенков и наш колхоз пропьет.

— Ты, Каширина, поосторожней,— из-за дымовой завесы бросил Неверов.

Его слова потонули во всеобщем шуме.

— Не хотим Черенкова!

— Нам и со старым председателем хорошо!

— Никого нам больше не надо!

— Каширину хотим!

— Оставайся ты, Антонина!

До этого никакими способами нельзя было успокоить эту бурю в хуторском клубе, а ей стоило лишь повести рукой, чтобы опять стало так же тихо, как в степи в знойный полдень лета. В открытые окна доносилось гудение буксирного катера, огибающего Красный яр на выходе из Северского Донца в Дон. Все взоры притягивал к себе цветок гвоздики в петлице у Антонины.

— Во-первых, я уже не Каширина, а Никитина.— И, переждав прошелестевший по залу смешок, продолжала:— А во-вторых, и в председатели нашего колхоза райком рекомендует тоже Никитина.— Смех в клубе окреп и пошел гулять по рядам. Она вдруг низко поклонилась со сцены в зал.— За хорошее отношение спасибо, но я уже этого председательского портфеля натягалась, хватит. Теперь его должен поносить тот, у кого силы побольше. Такие, как мы, женщины, еще были при всяких недостатках нужны, когда мы и на коровах пахали, а теперь будем на одних тракторах. И в мое положение вы тоже должны

войти. Маленьким колхозом я еще могла командовать, а теперь вам и товарищ Неверов может сказать: наш колхоз будут вскорости укрупнять. В колхозе будет не три тысячи, а десять или двенадцать тысяч га.

Неверов подтвердил:

— Это вопрос предрешенный.

— И командир вам уже будет нужен совсем другой.

И впервые за все время покосилась на Никитина. Он не мог оторвать взора от ее гвоздики, столь же яркой, пылающей, сколь бледным, почти совсем бескровным сделалось ее лицо под конец ее речи в хуторском клубе.

Она кончила, и от тех же самых людей, которые все три дня бушевали в клубе, как вода в коловерти под яром, теперь, оказывается, можно было услышать совсем другое. Никитин с удивлением смотрел со сцены на лица тех же самых женщин и мужчин и не узнавал их. Особенно женщин. Поистине люди самих себя не знают до конца. Всего за несколько минут как подменили их. И то, с чем Неверов не мог справиться три вечера подряд, вдруг оказалось достижимым.

У тех же хуторских женщин, которые до этого недвусмысленно прохаживались по поводу вопиющей неблагодарности Никитина, теперь нашлись для него другие слова:

— Это он у нее в яме с пробитой грудью лежал.

— Нет, Гришку Черенкова нам не нужно!

— Славного отхватила себе Антонина муженька!

— Эх, бабоньки, где бы и мне такого подцепить?

— Пойдем после собрания в той пещере поищем. Может, там другой остался.

— Раз Антонина говорит, значит, хуже не будет.

— Муж и жена — одна сатана.

— Ничего себе бугаина, в самый раз на укрупненный колхоз.

— Давайте голосовать. Мы уже на этих прениях прокисли.

— Еще, правда, Черенкова привезут.

Может быть, больше всего подействовала на людей эта угроза. Во всяком случае, когда Неверов снова вышел на край сцены и, вынимая изо рта трубку, начал: «По поручению бюро райкома партии рекомендую председателем вашего колхоза...» — ему договорить не дали:

— Знаем!

— Вот он, налицо!

— Голосовать!

Проголосовали единогласно. Лишь Антонина, не дождавшись конца голосования, сошла со сцены и, не оглядываясь, быстро пошла меж рядов к выходу.

— Ну и артистка у тебя жена,— прощаясь после собрания с Никитиным у машины, с восхищением говорил Неверов.— Сама же все подстроила, расписала по нотам и сама рассыпалась на собрании как ни в чем не бывало. Ох, еще наплачешься ты с ней!..— Неверов вдруг отшатнулся от Никитина, вплотную приблизившего к нему свое лицо.— Ого, да я вижу, как бы еще и тебе не пришлось обламывать рога.

И он захлопнул дверцу машины.

Еще недели через две, проезжая через хутор мимо яра и увидев возле колодца Антонину Каширину с ведрами, Неверов велел шоферу притормозить, высунулся из дверцы.

— А ты, Антонина Ивановна, тогда нам здорово на собрании помогла, молодец. Без твоего вмешательства нам бы, пожалуй, кандидатуру Никитина не удалось провести. Наверняка бы не удалось. Конечно, ты этим самым преследовала и свой собственный интерес, так сказать, укрепляла семейный фронт. Но всетаки партийная закваска у тебя есть. В общем, райком тобой доволен. Еще немного повремени, и, пожалуй, можно будет твое персональное дело пересмотреть.— И, увидев, что Антонина, подцепив одно за другим с земли крючками коромысла полные ведра, молча повернулась к нему спиной и пошла к дому, он ткнул шофера в бок кулачком: — Езжай, езжай. Ты что, заснул за рулем?!

Продолжение следует.

Сцена из спектакля «Память сердца».

ГАСТРОЛИ ХАРЬКОВЧАН В ЛЕНИНГРАДЕ

Пятая по счету гастрольная поездка в город на Неве была для Харьковского русского драматического театра имени Пушкина особенной. И это, между прочим, можно было заметить даже по афишам: к названию театра нынешней весной прибавилось слово «академический», что, разумеется, налагало на него особую ответственность перед взыскательным ленинградским зрителем... Главное, что волновало харьковчан,— репертуар. Хотелось, чтобы он как можно полнее и ярче ответил задачам, поставленным XXIV съездом КПСС.

Произведения, включенные в гастрольную программу и принадлежащие перу советских драматургов, были разными по жанрам и проблемам, но все они объединялись высокой мыслью, идейной целеустремленностью... Первый же спектакль — «Память сердца» А. Корнейчука, показанный на сцене Большого драматического театра на Фонтанке, обрадовал зрителя. Было ясно, что харьковский театр располагает не отдельными талантливыми актерами, а крепким, слаженным ансамблем. Верность любви, дружбе, долгу ярко раскрылась в образах героев «Памяти сердца» — спектакле глубоко оптимистическом, жизнеутверждающем. Здесь заняты многие замечательные актеры старшего и молодого поколений: Н. Тамарова, П. Антонов, В. Сухарева, Ю. Жбаков, Н. Рачинский, В. Тимошенко... Но особо хочется сказать о народной артистке УССР и заслуженной артистке РСФСР Н. Подоваловой. Она создала живой, эмоциональный образ Катерины, обаятельной советской женщины, чей подвиг, по сути дела, длится всю жизнь...

Н. Подовалова — актриса многоплановая, разнохарактерная — полюбилась ленинградцам с первого же знакомства. Публика горячо встречала ее в роли Н. К. Крупской («Есть такая партия»), в роли академика Сабуровой («Единственный свидетель») и, конечно же, в роли чеховской Маши («Три сестры»)...

Гастролируя в Ленинграде, харьковчане показали зрителям драму И. Рачады «Есть такая партия». Сюжет, все отношения героев, развивающиеся в этом спектакле, построены на исторических фактах, происходивших в Петрограде. Театр продолжил этим спектаклем свою Лениниану, начатую еще до войны.

Роль В. И. Ленина в новой постановке харьковчан исполняет народный артист УССР Юрий Жбаков, кстати сказать, дебютировавший в роли Володи Ульянова в спектакле «Семья» И. Попова. С тех пор Юрий Павлович Жбаков является единственным бессменным исполнителем ответственнейшей роли Ленина в своем театре вот уже более двадцати лет. Как раз в дни показа драмы «Есть такая партия» в Ленинград из Москвы пришла весть, взволновавшая и актера и весь театральный коллектив, о том, что Ю. П. Жбаков награжден орденом Ленина.

Спектакль радует яркими режиссерскими находками. Тут, как, впрочем, и во многих других виденных нами постановках, сказывается высокое мастерство художественного руководителя коллектива, заслуженного деятеля искусств УССР В. И. Ненашева. Воспитанник школы-студии МХАТа, ученик Ю. А. Завадского, главный режиссер театра В. Ненашев заявил о себе как талантливый, самобытный художник сцены.

Гастроли прошли с большим успехом. Горячо встречали актеров в цехах заводов, на кораблях и в Кронштадте, где театр дал несколько концертов.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

ПИСАТЕЛИ У ВАС В ГОСТЯХ

Конечно, среди зрителей, полвека назад заполнявших зал Политехнического музея, где выступал Владимир Маяковский или Александр Блок, были и просто любопытные: такие непременно найдутся, кто хочет увидеть «живого» поэта. Однако они всегда в меньшинстве, настоящих же любителей поэзии привлекает совсем другое. Только из уст самого автора можно услышать ту дополнинную интонацию, с которой должна звучать та ли иная строка его стихов, только сам автор может так точно подчеркнуть, выявить свою мысль. И это касается не только поэтов: недаром мы часто встречаем в мемуарной литературе рассказы о литературных вечерах, на которых прозаики читали свои произведения.

В наше время, когда интерес к литературе приобрел небывалую широту и глубину, необычайно возросла и тяга читателей к общению с писателем, возросли и расширились и читательские требования. Теперь сотни тысяч людей хотят не только услышать авторское чтение, они хотят узнать, как работает писатель, что лежало в основе его замысла. Не удивительна поэтому огромная популярность, которой пользуются литературные передачи Центрального телевидения.

Таких передач бывает по нескольку на неделе, и все они разные. Загорается экран телевизора — и к вам в дом приходит поэт. Ему дана полная свобода: он может рассказать о себе, о своих творческих планах, может просто читать стихи. «Поэзия. У нас в гостях...» — так называется эта передача, и в гостях у телезрителей побывало уже много поэтов, в числе которых Петрусь Бровка и Сергей Васильев, Ярослав Смеляков и Григол Абашидзе, Евгений Евтушенко и Юстинас Марцинкявичюс.

А как же быть с теми, кто предпочитает прозу? И для них есть передача — «Литературные чтения». Она создана недавно, но уже прочно завоевывает свое место на телевизионном экране. С чтением рассказа «Две жизни» выступил Вадим Кожевников, Михаил Алексеев читал отрывок из романа «Ивушка неплакучая», Сергей Сартаков — отрывок из романа «Философский камень». В этих передачах знакомые произведения обретают как бы новое звучание. Неповторимо обаяние сибирского колорита, окрасившего страницы романа «Сибирь», когда эти страницы прочитал Георгий Марков. Александр Чаковский превосходно передал особую остроту и напряженность сцен из третьей книги романа «Блокада».

Бесконечно разнообразна и по содержанию и по форме передача «Книжная лавка». Она знакомит с только что вышедшими из печати книгами. В ней можно услышать ответы писателей на читательские письма, устную рецензию на новое произведение, рассказ писателя о своей работе. Так, например, Виталий Закруткин рассказывает о людях, о которых он пишет. Сейчас «Книжная лавка» все более и более насыщается информацией, все шире становится круг тем, затрагиваемых этой передачей, все теснее становится связь литераторов с многомиллионной аудиторией.

Бывает и так, что телезрители оказываются свидетелями интереснейших встреч писателей со своими читателями: с рабочими Московского завода имени Лихачева, с колхозниками колхоза имени Владимира Ильича, Московской области. Эти встречи вошли в цикл передач «Беседы о литературе», тоже очень разнообразный.

В живой, непринужденной беседе часто рождаются новые мысли, сообщаются факты, порой совершенно неизвестные. Ведь не до всего, как говорится, доходят руки у писателя, не всегда есть время написать о многочисленных встречах с интересными людьми. А здесь достоянием многих тысяч любителей литературы становятся воспоминания о значительных событиях и разговорах, драгоценные детали, которые на бумаге могли бы так и не появиться.

Велико познавательное значение таких передач, как «Страницы творчества», велико воспитательное значение таких передач, как «Трибуна писателя». Они знакомят широкие массы с лучшими произведениями советской литературы, помогают ориентироваться в море книжных новинок, позволяют заглянуть в творческую лабораторию писателя, поднимают серьезнейшие вопросы о связи литературы с жизнью, о морально-этическом воспитании молодого поколения.

Пропагандируя советскую литературу, ведя содержательный, умный разговор о ней, отдел литературных передач Главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения делает огромное, нужное дело, и делает его ярко, талантливо.

Н. ЦВЕТКОВА

«НЕТ НАДЕЖНЕЕ ПРИМЕРА»

О своих идеалах Олег Шестинский заявляет открыто и прямо:

Мне нет надежнее примера,
естественнее образца,
чем жизнь революционера,
чем смерть отважного бойца.

Непоколебимая верность этим идеалам составляет прочный фундамент его высокогражданственной поэзии.

Позиция поэта отчетливо выражена в поэме «Киров и мальчишки», цитата из которой была приведена выше. Начинается поэма с двух, казалось бы, бесхитростных рассказов «мальчиков», которые ныне уже стали седыми», о встречах с Кировым: одному Сергей Миронович разрешил «пальнуть» из своей двустволки, другого похвалил за смастеренный им самокат. Однако в детских непосредственных впечатлениях таится большая глубина, и раскрывается она в третьей главке поэмы — «Рисунок мальчика, который не успел стать седым». Семнадцати лет мальчик погиб на окопных работах под Колпином, а в заплечном мешке у него товарищи нашли альбом.

Там на первой странице
шестерка коней
колесницу везет —
гроб на ней...
Город в траур одет.
Подпись:
«Коля. 11 лет».

В час всенародной скорби юный художник, «как взрослый, осознавал, что́ теряет наша страна». Поэт задумывается о значительнейшем явлении в истории нашей страны — о преемственности поколений борцов:

И не пулею ли одной
они оба убиты в борьбе:
вождь,
любимый всею страной,
мальчик,
скрытый еще в себе.

Эта мысль побуждает лирического героя поэмы «не на бумаге — в самом себе открыть черты той искренности и отваги, идейности и простоты».

Олег Шестинский строит поэмы своеобразно: это как бы циклы новелл с отдельным, замкнутым сюжетом, со своим героем, и цикл этот крепко спаян одной мыслью.

Начиная рассказ о блокадных годах в Ленинграде, поэт подчеркивает, что ведет «речь лишь о насущном». Его цель не ограничивается тем, чтобы вглядеться «в обычные лица людей необычной души», хотя и эта задача в высшей степени благородна. Не ограничивается поэт и призывом, способным многое пробудить в человеческих сердцах: «прочувствуйте просто в себе, какие красивые люди горели в высокой борьбе». Напоминание о прошлом служит поэту оружием в борьбе сегодняшней:

И тем я, что их воскрешаю,
погибших в блокадной петле,—
я жить лицемеру мешаю,
ханжу беспокою в тепле...

Напоминание о прошлом дает поэту возможность заглянуть в будущее, определить то нравственное направление, которое составляет моральную основу, моральную силу нашего общества:

И тем я, что их воскрешаю,
погодков моих со двора,—
грядущему я завещаю
путь мудрости, чести, добра.

Второй раздел книги составляют стихи о Болгарии — ярко эмоциональные, порою трепетно лирические, порою шутливые, порою остропублицистичные, дышащие горячей любовью к прекрасной стране, к ее людям — моряку и мечтателю Яносу, скрипачу Ахмеду, несравненным болгарским красавицам Гюрге и Атине, к героям прошлого — мятежнику Тодору, партизанам минувшей войны.

Об истоках нерушимой дружбы русского и болгарского народов поэт задумывается на Шипке:

И подвиг предстает
не расписным,
не назидательно-
хрестоматийным,
но в сущности своей
первоначальной:
какое счастье принести
свободу!
И если бы я в жизни совершил
хоть что-нибудь, подобное
их делу,
наверно бы, я счел себя
счастливым.

Новая книга Олега Шестинского, состоящая из стихов и поэм, написанных за последние пять лет, свидетельствует о зрелости поэта, о высоком уровне его художественного мастерства.

Н. ДАВЫДОВА

Олег ШЕСТИНСКИЙ. Бойницы. «Советский писатель». 1971.

ЛЮДИ ЛЮБЯТ

В рассказе «Люди любят», давшем название небольшой книге Владимира Семенова, говорится о любви юноши и девушки, о возникших в ней трудностях и о том, как они их преодолели. В других произведениях людская любовь показана в самом разнообразном ее проявлении: любовь к Родине и любовь к труду, любовь к знаниям и любовь к детям...

Владимир Семенов — профессиональный журналист. Свой интересный путь он начал в пинерской и продолжил в комсомольской, затем в партийной печати: редактировал газету «Пионерская правда» и журналы «Мурзилка», «Колхозные ребята», «Молодой колхозник», работал в «Комсомольской правде», в журналах «Партийная жизнь», «Агитатор».

На этом пути протяженностью в четыре десятилетия талантливый журналист внимательно наблюдал жизнь, и эти его наблюдения легли в основу произведений, которые составили книгу «Люди любят». Они написаны в разное время и на разные темы. Но есть в них нечто общее, связующее их воедино,— это внимание и любовь к людям, живущим на нашей советской земле, строящим социалистический мир, гордым этой исторической миссией, неутомимым и отважным в трудовой деятельности и в ратных подвигах.

В своих повестях, рассказах, очерках, как мне кажется, чаще всего возникавших из желания высказаться по тому или иному злободневному вопросу, поставленному жизнью, В. Семенов не стремится к сюжетной занимательности, а прежде всего старается показать внутренний мир человека.

В повести «Лучший свет жизни» автор приводит одну из основополагающих мыслей замечательного педагога нашего времени А. С. Макаренко: «...как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему». Читая книгу Владимира Семенова, мы видим, что и он сам в выборе тем, в разработке сюжетов, в обрисовке героев руководствовался именно этим требованием.

Еще одна важная особенность книги «Люди любят» заключается в том, что в ней мы встречаемся со многими интереснейшими людьми советской эпохи, с которыми посчастливилось общаться Владимиру Семенову. Это верный спутник и помощник В. И. Ленина — Н. К. Крупская, которую автор по праву называет «доброй матерью пионеров»; в книге рассказано о встречах с ней, о ее беседах с пионерами. Это известные общественные и партийные деятели — Н. И. Подвойский, А. В. Луначарский, видные ученые и изобретатели — П. К. Ощепков, И. Г. Логинов, К. П. Киселев, прославленный летчик В. С. Молоков. Об этих встречах рассказано кратко, но мы надеемся, что В. Семенов в своей новой книге, над которой он работает, расскажет о них более обстоятельно.

А. КОЛОСКОВ

Владимир СЕМЕНОВ. Люди любят. Повести, рассказы, очерки. Верхне-Волжское книжное издательство. Ярославль. 1970.

Отмечается сотый прыжок Юрия Сторожева. Такова традиция.

РЫЦАРИ НЕБА

Олег СКУРАТОВ
Фото К. КАСПИЕВА.

А ведь верно: они даже внешне чем-то напоминают рыцарей, эти спортсмены в разноцветных шлемах,— затянутая широкими стальными замками амуниция, аварийные ножи, как короткие боевые мечи... Но главное сходство не в этом.

Рядом со стартом заходит на посадку зеленый АН-2.

— Первая группа в самолет! Второй проверить снаряжение!

Вглядываюсь в лица парашютистов, что через несколько минут ринутся вниз с километровой высоты. Все-таки человек — существо земное, даже если ему на спину надет парашют... А в этой группе почти все новички, и более половины девушек. Но растерянных, даже взволнованных лиц не вижу. Равнодушие? Нет, скорее сосредоточенность, а может, и нетерпение.

Описывая спираль над аэродромом, самолет уходит в высоту. Но вот гул мотора обрывается, словно глохнет, а на землю летит что-то продолговатое, резко раскачиваясь под оранжевым куполом. Это «что-то» ударяется о землю... Авария?..

— Наш «Иван Иванович»,— объясняет мне командир парашютного звена Станислав Морозычев,— так зовется пристрелочный мешок.

Вспыхивают три разноцветных купола... Самолет делает новый круг, и от него отделяются четыре крохотные фигурки.

На старте две видеотрубы. В крестовине черточек отчетливо видны управляющие парашютами спортсмены. Они приземляются в центре песчаного круга. Навожу окуляр на черный проем самолетной двери. Но что это? Спортсмен не срывается вниз, а словно делает шаг в сторону. Одной рукой он захлопывает входную дверцу и поворачивает дверную скобу. И тут же устремляется вниз.

— Закон вежливости,— шутит Морозычев,— последний закрывает за собой дверь.

Он поднимает мегафон и кричит снижающемуся парню:

— Возьми правее! Подогни ноги!

Удар о землю. Парашютист падает на спину. Что, неудачно?

— Да нет, сносно. Падать-то надо, ведь скорость почти восемь метров в секунду. Можно, конечно, и пробежаться... Но у нас это считается пижонством... Смотрите! Внимание, воздух!— закричал Морозычев.

«Промазав в круг», спортсменка снижалась прямо на аккуратно сложенные в ряды парашюты, на сидящих в траве людей, на оставленный кем-то мотоцикл... В последний момент девушка подтянула стропы, подобрала ноги и пронеслась мимо.

— Молодец, не растерялась...— облегченно вздохнул инструктор.— Как говорится, трус не играет в хоккей, а в аэроклуб и подавно не записывается...

Тридцать лет назад, 8 июля сорок первого года, здесь, на поле Ярославского аэроклуба, друзья несли на руках Татьяну Гусеву — летчицу-инструктора. В тот день ее ученик Михаил Жуков стал одним из первых трех летчиков, кому в годы войны было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом были другие — Николай Карабулин, Николай Майков.

На летном поле, где сегодня тренируются молодые парашютисты, провели свои первые взлеты сотни бесстрашных летчиков, и среди них пятнадцать будущих Героев Советского Союза. Именами погибших названы улицы Ярославля. Защищая Отчизну, погиб летчик-истребитель А. Маланов. А через несколько лет в аэроклуб пришел его младший брат. Сейчас Геннадий Алексеевич Маланов — инженер, работник клуба. К штурвалам учебных самолетов каждый год приходят новые смельчаки, которых властно влечет небо.

Заместитель начальника аэроклуба Спартак Белецкий показывает стенд.

— Узнаете?

— Валентина Терешкова! Ну, конечно, это она, в комбинезоне и шлеме со стропами парашюта в руках.

— А рядом инструктор Валентин Диунов. Это его ученица. Здесь, в клубе, она совершила более ста прыжков... А когда мы узнали, что Валентина ведет космический корабль, то качали на руках Диунова!

В библиотеке аэроклуба Спартак Владимирович показывает мне альбомы — летопись, начатая в далеком тридцать третьем году. Тогда рабочие резинкомбината разгружали баржи, чтобы заработать деньги на два первых У-2... А вот фото Валерия Чкалова, прилетевшего на новый, только что отвоеванный у болот аэродром. Да, аэроклуб начинался нелегко...

— С первых же занятий мы учим нашу молодежь гордиться славными традициями аэроклуба,— говорит Белецкий,—а люди к нам идут просто замечательные, по-настоящему влюбленные в авиацию.

На следующий день — нелетная погода. Все-таки захожу в здание клуба. И, к удивлению, застаю немало спортсменов.

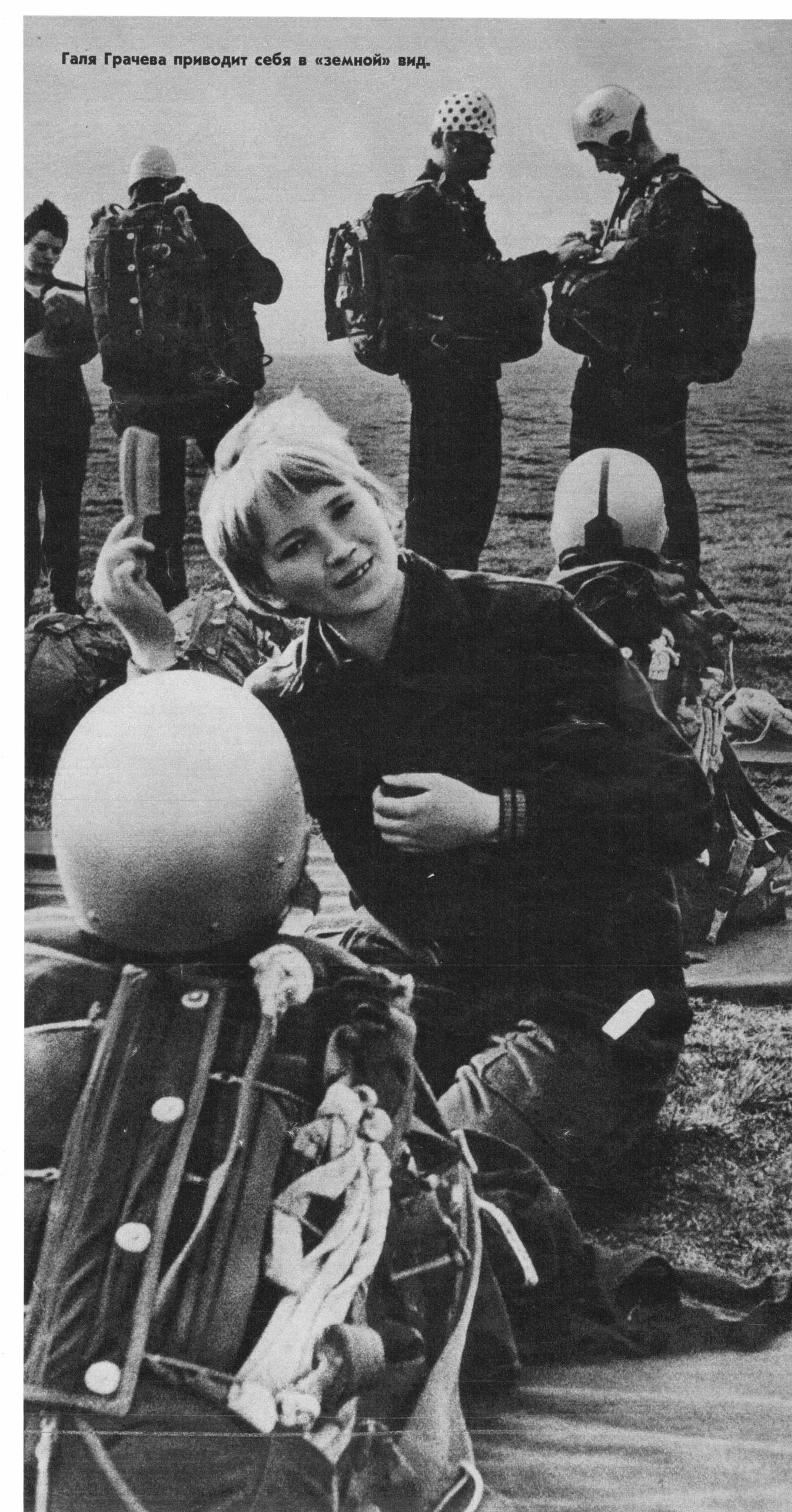
— Ждем погоды,— говорит участница сборной команды клуба Соня Лопатина,— а вдруг появится окно и разрешат прыжки!..

— Дотемна могут ждать,— подтверждает инструктор Кобзарь.— Пока хоть один шанс остается, домой не уйдут...

В зал вбежал Станислав Морозычев.

— Внимание! Дана погода! Всем на старт!

И снова закружил под облаками АН-2, гремел мегафон инструктора, зажигались разноцветные зонтики парашютов...

Галя Грачева приводит себя в «земной» вид.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

«НАРОД У НАС МУЗЫКАЛЬНЫЙ»

Репортаж под таким названием был опубликован в № 12 «Огонька». В репортаже, в частности, высказывалось пожелание, чтобы Одесская и Черниговская музфабрики улучшили качество своей продукции. Редакция получила ответ директора Черниговской фабрики музыкальных инструментов И. Коренькова. В письме говорится, что в репортаже А. Стася правильно поставлен вопрос о расширении пунктов по обслуживанию музыкальных инструментов, о необходимости улучшать качество пианино. Коллектив фабрики за последние годы освоил и внедрил в производство семь видов новых моделей малогабаритных пианино. Фабрика неоднократно участвовала в республиканских и союзных выставках достижений народного хозяйства и награждалась дипломами, представляла свою продукцию на международных ярмарках и выставках. В прошлом году инженерно-технические работники предприятия в содружестве с киевской консерваторией разработали модель пианино УЧ-8 с расширенным диапазоном звучания. Первые образцы новой модели получили высокую оценку специалистов.

Однако, говорится далее в письме, «мы понимаем, что наряду с успехами имеются и недостатки, над устранением которых коллектив фабрики постоянно работает. На нынешний год намечены мероприятия по дальнейшему совершенствованию конструкции, техники и технологии производства: решено внедрить в производство пианино модели УЧ-8, удвоить выпуск инструментов, фанерованных ценными породами древесины, перейти на выпуск пианино, отделанных полиэфирными лаками».

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОКАТОМ

Мысленно я уже плыл в этой лодке, предварительно накачав ее общедоступным воздухом. Однако прежде, чем накачать, надо было получить лодку в магазине проката, куда я и отправился в канун долгожданного субботнего дня.

— Опоздали,— услышал я в магазине.

— Как опоздал?

— А так... лодки все разобраны...

— А что же мне, как Туру Хейердалу, два выходных на плоту плавать?

— Как хотите... Попробуйте зайти завтра... Один человек должен сдать лодку. Правда, мы ее уже обещали другому человеку, но если первый сдаст, а второй вдруг не придет, лодка ваша.

Меня такой вариант не устраивал, и я попробовал выразить недовольство.

— А что нам делать? — стал искать у меня сочувствия заведующий магазином Б. М. Джурмез.— Лодок всего-навсего двенадцать, из них три пора списывать.

Дальше он поведал мне все, что касалось прокатной мощи магазина.

— Это, конечно, плохо, что мы не можем выдать штормовки или альпинистские ботинки. Однако их спрашивают единицы. Но мы же сплошь и рядом отказываем в рюкзаках, спальных мешках, газовых плитках... Мы бы рады всех обслужить, но больших рюкзаков у нас около полутораста, а нам их нужно по крайней мере двести пятьдесят — триста, и палаток с арматурой мало, и газовых плиток... А от посетителей отбоя нет...

Да, судя по минскому магазину № 2, система проката туристского снаряжения явно задержалась где-то во вчерашнем дне. В Минске всего четыре магазина проката. Прикинем: население — около миллиона. Стало быть, на магазин приходится в среднем 250 тысяч человек. Отбросим 200 тысяч на престарелых и младенцев, на тех, кто не нуждается в прокате туристского снаряжения. Все равно многовато. Есть, правда, еще прокатные пункты от магазинов. Но их тоже раз-два — и обчелся. Открывать новые магазины? Говорят, что трудно с помещениями. Но ведь пункты проката нетрудно создать в большинстве общежитий. Ведать ими могут коменданты (есть такие примеры) по совместительству. Так надо ж, зашли в тупик переговоры о материальной заинтересованности тех самых комендантов!

Наверное, можно было бы открыть прокатные пункты и в красных уголках домоуправлений, и на стадионах, и при магазинах «Спорттовары», «Турист», «Рыбак и охотник». Подумать бы и насчет увеличения выпуска ассортимента туристского снаряжения. И прежде всего потребовать от тех, на кого возложено бремя проката — а в Белоруссии оно возложено на Министерство бытового обслуживания населения,— энергично заняться этим делом.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

Минск.

КАК БУРЖУЙ ШАХТЕРУ КЛАНЯЛСЯ

Алексей ИОНОВ

ИЗ ДОНЕЦКИХ СКАЗОВ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Не теперь это было, не теперь, а давненько, когда еще грушевский антрацит на волах к Дону возили. Шахта наша, «Коммунар», тогда и названия такого не имела и принадлежала французу Луи Францевичу, господину Рогге.

Господин Рогге был человек гордый, вернее сказать, надменный, спесивый. Нашего брата, шахтера, за человека не признавал, хотя мы ему, толстомордому, сколько капиталов нажили. Как мы по двенадцать часов уголь в забое долбили, как нашего брата слепила глазоедка, как убивал нас гремучий газ — про это же вспомнить страшно!

Луи Францевич жил где-то далеко, должно быть, в Париже, а на рудник наведывался для того, чтобы поглядеть, как идут дела, не обдуривает ли его управитель. Заявится он во фраке, крахмальной сорочке, в лакированных башмаках, сидит в коляске, словно куль муки, и не пошевельнется. Шахтеры кепчонки с головы рвут, кланяются ему до земли, а он их будто и не замечает.

Едет он так-то по руднику, а навстречу ему колтыхает Данилка Помазок. Он только что из шахты вылез: на плечах дырявая тужурочка, волосы из-под кепки клоками висят, лицо черное-пречерное, одни зубы да глаза сверкают. Парень он был отчаюга, ни бога, ни черта не боялся. На шахту он пришел, когда его отца породою в забое задавило. Обушок мальчишке не под силу, так он смазчиком нанялся. Наполнит баклушу[1] дегтем и ходит по шахте, тычет квачом в колеса вагонеток. Потом, когда подрос, он и санки тягал и вагоны гонял, но на руднике его по привычке так и величали — Данилка Помазок, а настоящую фамилию забыли.

И вот Помазок, хоть и не видит еще, кто едет в коляске на дутых шинах, сорвал свою драную кепчонку, приклонился и стоит, выжидает. Кони — чистые звери — удила грызут, пена с губ летит по ветру. Эге, вон это кто — сам хозяин шахты!

Тот промчался, на Помазка и не глянул — не хотел шею поневолить.

Данилка не сдержался, показал ему вдогонку кулак: «Погоди ж ты! Будешь кланяться шахтерам!»

Пришел он вечерком в кабак и растрезвонил про этот случай, а шахтеры выслушали его и давай смеяться.

---

[1] Баклуша — род небольшого деревянного ведра.

— Где ты,— спрашивают с издевкой,— болтался? Тебя по всему руднику искали. Хозяин хотел наградить тебя за усердие: ты ж, говорят, кланялся так низко, что носом лаптей касался.

Данилка разъярился еще пуще, твердит свое:

— А вот он, тварь заморская, поклонится мне. Попомните мое слово!

— Ты, парень, не ерепенься,— ехидно подсмеивается шинкарь.— Тебя, в лохмотьях, и близко к нему не допустят.

— Ничего,— отвечает Помазок,— хоть в латаном, да не в хватаном. А хозяина я заставлю бить поклоны.

— Нет, парень,— говорит шинкарь,— господин Рогге — хитрая штучка, он всякие заграничные манеры постиг, так что тебе его не объегорить.

— Спорим! — кипятится Данилка.

— Что ж, давай, если тебе невтерпеж,— соглашается кабатчик.

— Четверть водки! По рукам?

— По рукам.

Шахтеры, сказать по правде, знали, что Помазок ловок на всякие проделки. Но что может он отмочить с господином Рогге? Данилка сидит, посмеивается, видно, что-то уж надумал.

Этот, пожалуй, все-таки надумает, он, чертяка, не такие штуки откалывал! В чистый четверг, под пасху, идет как-то по руднику, наигрывает на своей голосистой ливенке и орет что есть мочи:

Сколько раз я зарекался
На Бандовочку ходить.
Полюбил одну девчонку,
Не могу ее забыть.

А девка — видать, рядом с ним идет — отвечает жалобно, тоскливо:

А я в зеркало гляделась,
На себя дивилася.
Боже ж мой, какая стала —
Личком изменилася.

Данилка снова ей шахтерскую, уличную:

На горе стоит дуб,
Распустил коренья.
Как же девок не любить?
Это ж разоренье!

А девка ему снова о том же, то есть про свою любовь-злодейку:

Пойду в сад на самый зад,
Где трава не мятая.
Не работа меня сушит,
А любовь проклятая.

Услыхал те песни пристав Середа — был у нас такой на руднике, порядок и хозяйскую кассу охранял,— бежит за Помазком, машет волосатыми кулаками:

— Ты что христову веру бесчестишь? Забыл, какой нынче день? В Аксай, в казенный дом просишься? Дай-ка сюда твое играло! — и хватается за Данилкину гармонию.

Данилка отвернулся от него, бормочет:

— Купи себе и наяривай, а от моей проваливай.

Тут пристав спохватился:

— А где твоя мокрохвостая! Я покажу, как в святой четверг про любовь горланить!

Помазок усмехнулся и говорит:

— Эту красавицу бог уже покарал — превратил в собаку. Смотри, вон она мимо забора бежит, хвостом вертит.

Вы спросите: а куда же девалась его краля? А ее и не было: это ж он сам, сатана, страдал на два голоса. То кричит своим, хриплым, то зальется тоненьким, бабьим, с переливами. Это он ловко умел.

В другой раз еще похитрее околпачил Середу. Тот проходил мимо барака. Данилка увидал его и спрашивает вроде бы по секрету:

— Господин пристав, верно, что при старом царе сахар был слаще, чем при теперешнем?

У Середы аж усы задергались.

— Какой сукин сын такие слова недозволенные говорил?

— А вон, орловский лапотник из артели Бубнова. Пойдите дознайтесь у него. Он сейчас в нужнике сидит.

Пристав подошел к этой городушке, стоял-стоял, потом не утерпел — давай колотить саблею в доски:

— Эй, милейший, долго думаешь тут сидеть?

А оттуда бабий голос отвечает:

— А тебе какое дело?

То наша артельная кухарка зашла туда по нужде. Ей не видно, кто подошел, она и давай разносить Середу на все корки.

Тогда он бежит в барак, морда от злости налилась кровью.

— Су-кин ты сын! — орет на Помазка.— Я т-тебя — в Сибирь за насмешку над царевым слугою!

Помазок смертельно перетрусил, побелел, еле-еле отвертелся.

Конечно, пристав его, голодранца, в два счета мог запроторить в Аксай, в тюреху, но решил еще злее: пусть лучше этот босяк загинет в шахте, а с управителя рудника, чтоб замять дело, можно содрать десятирублевку.

И вот шахтеры прикидывают теперь: что же Помазок может учудить с хозяином шахты?

— Дай мне в задаток,— просит шинкаря,— три серебряных рубля. Проспоришь — я их тебе не возвращаю, а проспорю я — пиши мне на книжку: из первой же получки верну.

Ничего не поделаешь, подает ему кабатчик три рублика.

«Ладно,— думает,— за шахтером не пропадет».

Проходит несколько дней. Прибегает в кабак мальчишка — дверовой[1]. Запыхался, дух перевести не может.

— Дядя, дядя, сейчас к тому вон бараку хозяин подъедет, будет кланяться Данилке Помазку. Поглядите, пожалуйста. Мне

[1] Дверово́й — рабочий, дежуривший в шахте у вентиляционных дверей.

Помазок двадцать копеек посулил. Вы ж, дядя, смотрите.

Лавочник прицыкнул на мальчишку. Очень осерчал, что Данилка продолжает свою игру. На порог не пошел: ему все из-за прилавка видать. Кидает на весы таранку или солонину, а сам поглядывает через дверь на улицу. И вдруг слышит: бубенцы гремят. Останавливается поблизости коляска с дутыми шинами. Кони застоялись — танцуют, а из коляски выходит Луи Францевич собственной персоной. Торопился, похоже: одной рукой лицо платочком вытирает, другою — шляпой обмахивает.

Все, кто находился в лавочке, высыпали на улицу: «Что за оказия?» Данилка Помазок возле барака стоит, ухмыляется во всю рожу. Хозяин семенит прямехонько к нему и вдруг — что такое? — бац! — поклонился. Да не просто поклонился, а рукой понад землей повел, как в старину бояре делали. Прошел еще немного — другой поклон и третий!

— Р-разбойник! — шипит шинкарь.— Выспорил четверть.

Подошел Рогге к бараку. Только ногу на порог — Данилка ему:

— Ради бога, простите меня, Луи Францевич! Это я набрехал, что тут комиссия пишет бумагу про беспорядки в бараках, собирается хозяина штрафовать. Никакой комиссии нету, а это мы с шинкарем заспорили. Он говорит: «Уедет хозяин и не пожелает посмотреть, как живут-маются шахтеры». А я говорю: «Быть того не может! Хозяин непременно заглянет в наши лачуги, прикажет управителю побелить стены, застеклить окна. Мы ж ему сколько добра делаем, не уголь, а, можно сказать, золото добываем».

— О, ви такой шутка шутиль! — сказал Рогге на радостях, что в бараке нет никакой комиссии и что не придется платить штраф.

Притом он знал народное поверье, что находка всегда предвещает немалую удачу, и простил Данилке его дерзость. Вытер душистым платочком свою красную шею и покатил в город.

Вечером в кабаке вся голоштанная Данилкина артель собралась. Кабатчик достал четверть водки, обтер рушником пыль, подал шахтеру:

— На, трескай! Только скажи на милость, каким манером заставил ты самого господина Рогге поклониться твоей неумытой образине?

— А никакой хитрости и нету,— спокойненько отвечает Помазок.— Я на его подлой жадности сыграл. Слышал раз, как он распекает десятника за грудку антрацита. Тут я и угадал его слабину́. Кучеру я полтинник пообещал, если он подвезет хозяина к той тропке, куда мне нужно, а на этой тропке твои серебряные рубли раскидал. Француз их и подобрал. Только и всего.

РЯДОМ
С ИНТЕРЕСНЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ

ЕСТЬ ЛИ У ЧАСОВ ДУША?..

Ю. СБИТНЕВ

У меня в доме на стене висят ходики. Каждый час распахивается дверца, и крохотная деревянная кукушка заливисто и как-то очень озорно отсчитывает время. Такие вот часы по сей день собирают потомственные часовых дел мастера в городе Сердобске, что под Пензой.

Часы русских умельцев испокон веку удивляли «многоумный» Запад своими особыми секретами, своей простотой исполнения и точностью хода.

Жили когда-то в Вятке мастера Бронниковы. Старший из них, Семен, изготовил карманные (всего три сантиметра в диаметре) деревянные часы. И корпус, и стрелки, и шестеренки, и винтики — все, даже пружина, было деревянным. Шесть лет работал их Семен Бронников. Навлек на себя насмешки, издевательства, обеднял, был признан сумасшедшим, но часы изготовил. Может быть, так и кануло бы в Лету имя удивительного умельца, если бы не «открыл» его сосланный в Вятку великий бунтарь А. И. Герцен. В 1837 году часы экспонировались на вятской выставке «естественных и искусственных произведений», организованной Герценом. Сын Семена, Михаил, и внук Николай не бросили дела. Бронниковыми были сработаны еще десять деревянных механизмов. И вот я держу в руках одну из этих реликвий великого мастерства вятских умельцев.

Безупречной отделки корпус с естественным древесным рисунком, легкие, буквально бумажной тонкости стрелки, изящная цепочка, крохотный волосок секундной стрелки, механизм с деталями не крупней булавочной головки.

— А вот это часы Кулибина... Эти принадлежали Алексею Толстому. А эти вот, тоже русской работы, принадлежали купцу Калашникову. Восемь мелодий. Послушайте...

Что-то легонько стукнуло внутри механизма и пошло: «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской...» Да с колокольчиками, с бубенцами. Заслушаешься. Вызванивают мелодию за мелодией часы, для каждого часа своя мелодия.

— А это уже американский почерк. Для модниц хронометр в кожаной сумочке. Это турецких мастеров работа, это индийских, немецких, английских...

Мы ходим по залам удивительного музея — музея времени. Мерно стучат маятники, звенят мелодии, тревожно, словно бы вечевой колокол, подают голос одни, звонко, полевыми колокольчиками рассыпаются другие.

Распахнулась деревянная дверца, и кукушка прокуковала конец рабочего дня.

— Этим часам уже более ста лет. А вот видите, идут точно...— Наш экскурсовод, словно бы извиняясь, повел руками.— Пора закрывать музей.— И предложил: — Я думаю, если вы не против, пройдемте ко мне на квартиру, там и досмотрим коллекцию. В залах музея пока не хватает места, чтобы разместить все экспонаты.

Мы выходим на улицу следом за Павлом Васильевичем Курдюковым. Яркие, в солнечных жарких подпалах сосны у городских домов, небо чистое, голубое, с золотыми закраинками легких облаков. В лучах заходящего солнца бронзовеют стрелки на городских башенных часах. Павел Васильевич смотрит на них, сверяет время по своим ручным и довольно улыбается. Часы на городской башне, часы в залах музея и те, что на его руке, установлены, собраны, отремонтированы, пущены им, удивительным мастером Павлом Васильевичем Курдюковым.

Более сорока пяти лет собирает Павел Васильевич коллекцию часов. И не просто собирает, а возвращает их к жизни. Не было ни одного экземпляра, который попал бы в руки мастера в исправном виде. В знаменитых бронниковских часах он восстановил стрелки, изготовил и заменил многие детали, да к тому же искусная деревянная цепочка — дело его рук. Не меньше хлопот доставили кулибинские часы, собранные буквально «по косточке» из груды хлама. Не один месяц потратил Павел Васильевич на ремонт и пуск часов, исполненных в виде копии машины Ползунова.

А сколько хлопот было над часами неизвестного мастера, которым от роду более двух столетий. Он приобрел их в Москве. Почти пятьдесят лет часы не ходили. Это был очень интересный механизм. Маятник располагался на кончике хобота слона. Чтобы вернуть их к жизни, пришлось разгадать десятки загадок. Интересно то, что при смазке трущихся частей механизма часы замирали. Все в них было необычным. И все же добился своего. Живут часы, отсчитывают третье столетие своей жизни.

Павел Васильевич идет чуть впереди, невысокого роста, худенький, очень подвижный. Есть в нем нечто такое, что сразу же располагает, заставляет пристальней вглядеться, вслушаться в неторопливый, ровный, словно добрый ход маятника, голос.

— Родился я в деревушке Курдюки. Вятский. Бедность была беспросветная. Ведь и одного дня не учился. Все самоучкой, самоучкой. Сызмальства я к механизмам страсть имел. Да какие в вятской-то деревне механизмы! В двадцатых годах, во время нэпа, уехал я из деревни-то. В городе подле каждой механики останавливался и глядел, глядел все. Ходил к мастеру одному, старичку слесарю. Тот мне ничего не рассказывал, не показывал, но я смотрел все. Сам себе инструмент делал. Ничего никогда не покупал. В тридцатых, сами знаете, какой индустриальный размах был. С техникой и я учился, рос. Стал слесарем-инструментальщиком, слесарем по точным механизмам. К этому времени я уж больно в часах заинтересован был. А началось это еще до тридцатых. Принес сосед часы: «Почини, Павел». Починил, заинтересовался. Дальше — больше. Както часовых дел мастер пришел: «Выручай, Павлуха, часы разобрать разобрал, а собрать не могу. Скандал».

Вот так из всякого хлама соберешь механизм, кажется, душу свою вставишь, и оживут они. Как дите родное станут. Перед войной работал я на заводе. Тонкое дело было у меня, по приборам и по точным инструментам.— Павел Васильевич задумывается, может быть, вспоминает то предвоенное время, может быть, подыскивает нужное для дальнейшего рассказа.— Да, война грянула. Мне повестка. Собрала вещички мне моя Ульяна Яковлевна. Попрощаться в цех пошел. Начальник спрашивает: «Почему не на работе, Курдюков?» Показываю ему повестку. А он повестку взял и порвал на глазах моих. Даже обидно стало. Пять повесток вот так порвал. Не вырвался я на фронт, хотя как-то и обидно и горько было мне: что же это выходит, я хуже других? Другие-то на фронтах, а я здесь вот в тылу? А мне одно на мои вопросы: «Нельзя. Тут нужен»...

Мы подходим к дому Павла Васильевича. Поднимаемся по лестнице, и он, обернувшись, говорит:

— Яковлевна моя обладает мягким характером. Ладно, что она не агрессивная. С моею страстью часовой свыклась, а потом и сама увлеклась. Люди, бывало, мебель, вещи покупают, а мы часы мертвые по всему Союзу ищем. Куда я только за ними не ездил!

Собрали как-то денег-то на пальто Ульяне Яковлевне, а тут письмо пришло. Есть, дескать, одни интересные часы. Яковлевна деньги мне в руки: «Поезжай, Павлик, купи». Так и жили.

Ульяна Яковлевна встречает нас на пороге по-сибирски радушно, с широкой улыбкой. Квартирка небольшая, аккуратная, чистенькая. И отовсюду глядят на нас часы всех систем и «всех национальностей», как выразилась хозяйка.

— Павлик по почерку мастера каждую национальность установит и год рождения тоже.

Чувствую, что нет возможности рассказать об этой чудесной коллекции времени, ее надо видеть, слышать. И еще надо видеть и слышать создателей этой коллекции, двух людей прекрасной души — Павла Васильевича и Ульяну Яковлевну Курдюковых.

Свыше трехсот экспонатов хранится сейчас в музее города и квартире мастера-собирателя. Большая коллекция передана Государственному политехническому музею. А Курдюков все продолжает искать новые образцы часов, продолжает возвращать им жизнь, сам создает новые образцы.

В музее Хайтинского фарфорового завода увидел как-то Курдюков фарфоровую руку, державшую подсвечник. Изготовили ее хайтинские мастера свыше ста лет тому назад по слепку с руки дочки заводчика Перевалова. Заинтересовался Павел Васильевич тонкой, изящной работой мастеров. Нынешние мастера сделали повторение этой вещицы. И вот уже стоят на стенде городского музея настольные часы — женская рука держит бронзовое яблоко, в которое вмонтирован механизм и циферблат, сработанный П. В. Курдюковым.

Я спросил Павла Васильевича:

— Вот вы часто в разговоре говорите о часах, как об одушевленном, что это, профессиональная привычка?

— Что вы! Как же иначе говорить о нашем вечном спутнике? Ведь в каждых часах есть душа, душа мастера, вложенная в них. Если в дело вложена душа, так оно всегда живое...— И вдруг, спохватившись, засокрушался: — Что это я вам все о часах да о часах!.. Яковлевна, приготовь-ка нам чайку.

— А чаек, Павлик, уже готов.— Из кухни неслись запахи традиционного «сибирского чая». И когда стол был уже заставлен всякими разносолами, горячими и холодными закусками — это и есть сибирский чай,— мы снова заговорили о часах, о времени, которое вполне реально глядело на нас отовсюду и поторапливало на разные голоса.— Павлик, а где же книга отзывов?

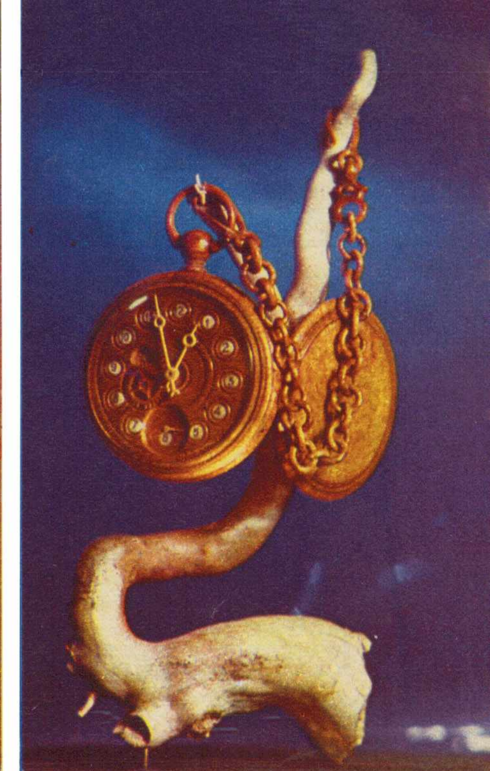
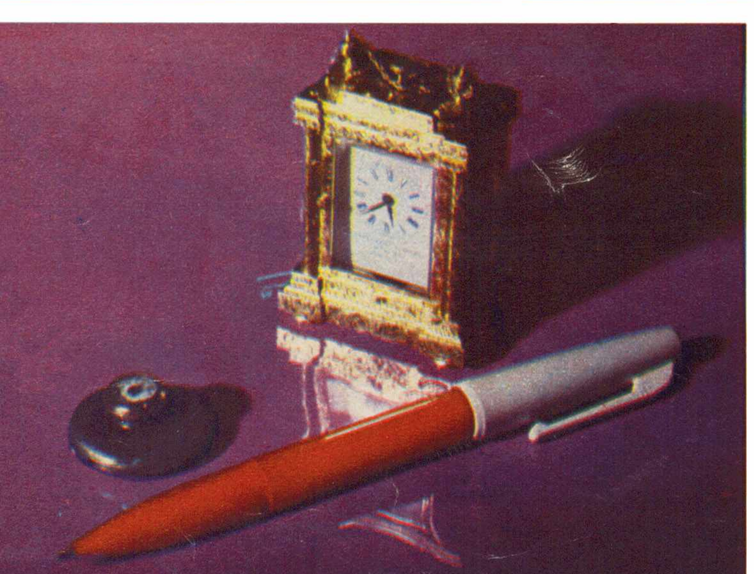
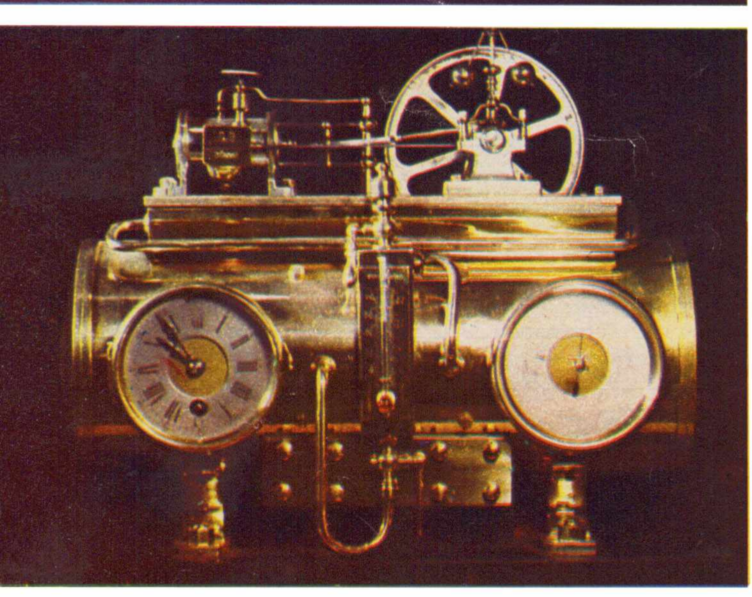
В толстой книге много добрых, сердечных слов. Оставили слова и мы в этой книге. И если комунибудь из читателей вдруг захочется побывать в этом необычном музее, я назову адрес: Иркутская область, город Ангарск, городской музей, спросить Павла Васильевича Курдюкова.

Уникальная коллекция часов.

На снимке: Павел Васильевич и Ульяна Яковлевна Курдюковы.

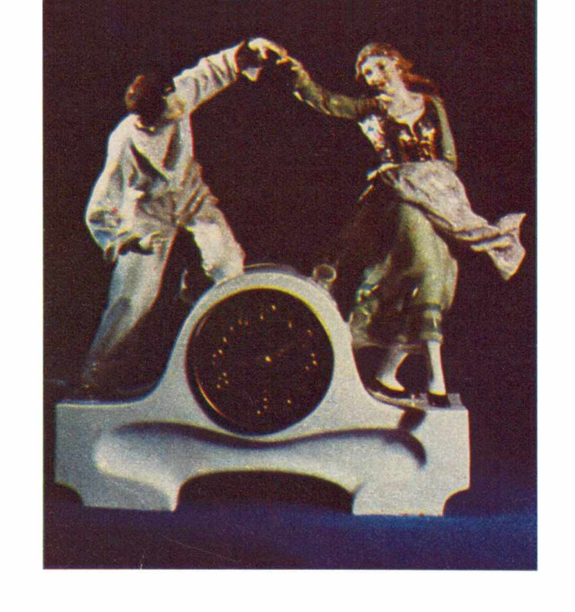
Фото Г. КОПОСОВА.

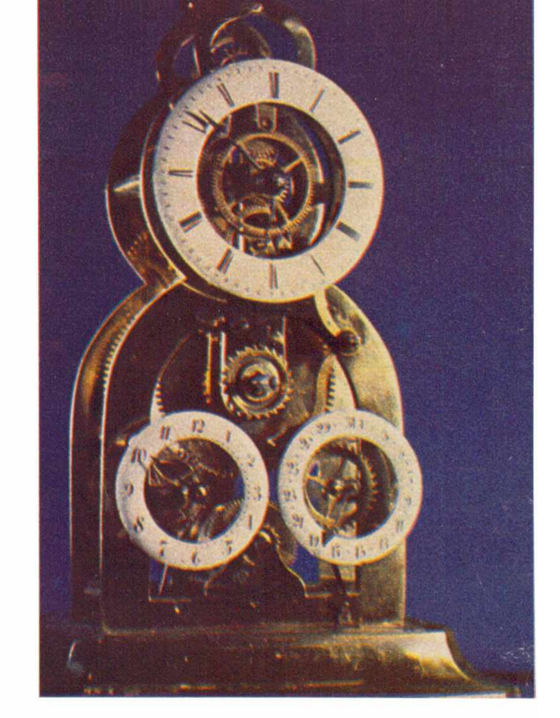

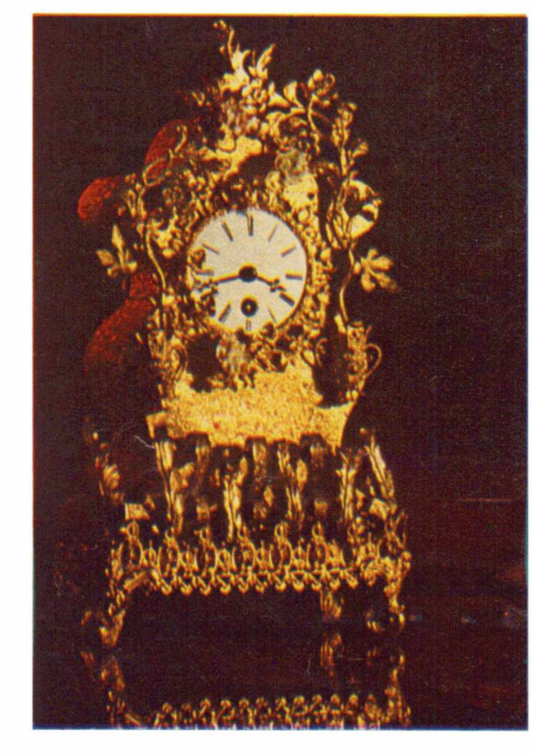

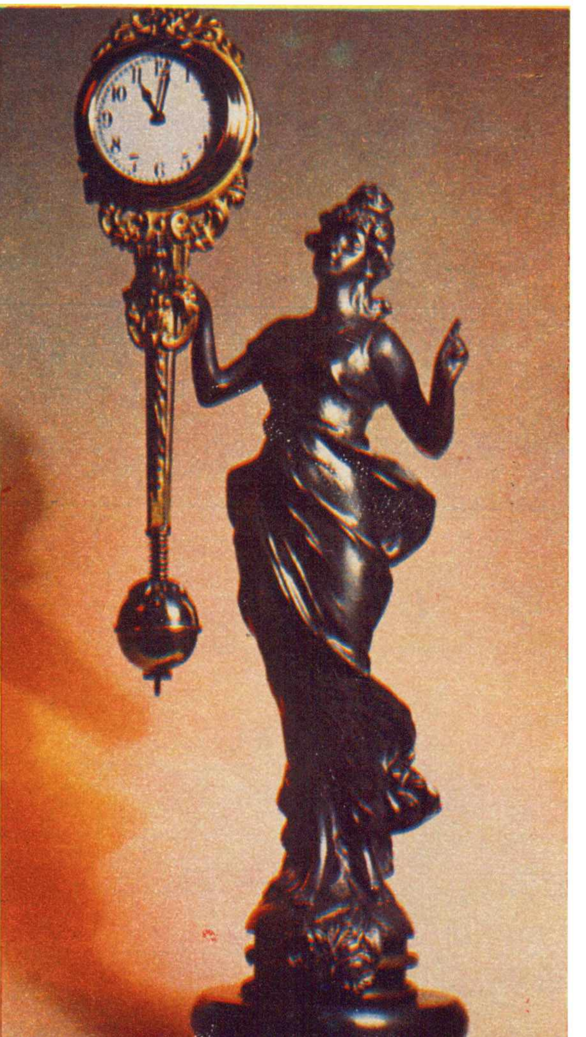

ПАМЯТЬ, ПРИПОРОШЕННАЯ СНЕГОМ

А. СОФРОНОВ

Нет, нет, этого уже никогда не забыть! Не забыть партизанский аэродром в брянских дебрях. Предпраздничный вечер 6 ноября 1942 года, канун 25-й годовщины Октябрьской революции...

Все запомнится, все без остатка:
Самолета полуночный гром,
Среди сосен лесная площадка —
Партизанский аэродром,

И костры на снегу — нет им счета,
И ракеты зеленый огонь,
И последняя дрожь самолета,
И железная чья-то ладонь...

. . . .

Заметенные снегом тропинки,
И на соснах, как шапки,— снега,
И в землянке на стенах картинки
Довоенного «Огонька».

Стихи эти были написаны мною в том же 1942 году, сразу после того, как, выполнив задание газеты «Известия», где я работал в ту пору военным корреспондентом, вернулся на Большую землю.

Все запомнится, все без остатка...
Лист березовый вновь зашумит,
И подымет лесная площадка
К небу памятника гранит.

Так заканчивались эти стихи. Такое было тогда чувство, после нескольких дней пребывания у брянских партизан в беспрерывных встречах, поездках верхом на конях лесными тропинками, из отряда в отряд.

И землянки, уже поросшие мхом и травой, и лесные музеи, и памятник, правда, не на лесной площадке, а на просторной площади Брянска, я увидел несколько лет назад, когда мы вместе с композитором Сигизмундом Кацем приезжали по приглашению брянцев для того, чтобы участвовать в вечерах, посвященных двадцатипятилетию рождения нашей песни «Шумел сурово брянский лес». Многое всплыло в памяти, припорошенной снегом двух с половиной десятилетий. А тогда, в брянском лесу, пришел очередной транспортный самолет с Большой земли, и я вместе с ранеными партизанами перелетел снова линию фронта и приземлился на одном из прифронтовых аэродромов. На этот же аэродром должен был прилететь самолет из Москвы. Было очень морозно, здесь почти бесснежно. И очень хотелось спать. Бродя по окраине летного поля, я набрел на землянку и забрался в нее, чтобы укрыться от студеного, добирающегося до костей ветра. В землянке я оказался не один. Там уже был какой-то человек, на ломаном русском языке объяснивший мне, что он венгр. Я удивился. Венгр? Что ему здесь делать? В брянских лесах действовали не только немецкие, но и венгерские каратели, нисколько не уступавшие немцам в жестокости. «Я коммунист и лечу работать среди венгров»,— сказал мне этот человек. Обнявшись, согревая друг друга, мы уснули каменным сном. Прошло два-три часа, в землянку спустился дежурный офицер и растолкал меня — самолет уходил на Москву. Мы с венгром пожали друг другу руки. Он вышел со мной из землянки, там мы обнялись. Я побежал к самолету. Поднимаясь по лесенке, увидел, что венгр стоял возле землянки и медленно махал мне рукой. Уже в самолете я вспомнил, что даже не спросил его имени да и сам не назвался. Через некоторое время самолет приземлился на Центральном аэродроме Москвы, и я вышел на Ленинградский проспект.

...И время запорошило эту встречу. Но, как бы ни уходило время все дальше от того ноябрьского дня 1942 года, память об этой встрече где-то теплилась в сердце. Так вышло, что за все эти годы судьба не приводила меня в Венгрию. Только однажды, по пути из Африки, пришлось мне переночевать в Будапеште, а ранним весенним утром умчаться на аэродром, чтобы вернуться в Москву.

И вот теперь вместе с композитором Матвеем Блантером мы оказались в Будапеште по приглашению политуправления Южной группы советских войск, временно расположенных на территории Венгерской Народной Республики.

Много воды за это время утекло в Дунае. Много трудных дней пережил венгерский народ, прежде чем, победив и внешних врагов и внутреннюю контрреволюцию, вышел на широкую дорогу строительства социализма.

Вместе с Матвеем Блантером мы выступали в частях Советской Армии, встречались с солдатами и офицерами. Стояли жаркие, душные дни. Ртутный столбик показывал в тени 35—36 градусов. Отправляясь из Будапешта на выступление, мы любовались широкими дунайскими долинами, зелеными виноградниками, видели череду недавно пущенных и строящихся новых заводов.

Сам Будапешт, перерытый канавами, с его новыми магистралями, поднимающимися жилыми зданиями, походил на многие наши города, охваченные таким же строительным, реконструктивным порывом.

Однажды командующий Южной группой войск генерал-полковник Борис Петрович Иванов сказал нам:

— Завтра в старом венгерском городе Озде состоится большой праздник. Один из крупнейших рабочих коллективов — коллектив Оздского металлургического комбината — вступает в Общество венгеро-советской дружбы. Там будет выступать и наш ансамбль песни и пляски. Венгерские товарищи пригласили меня на этот вечер, но, узнав, что вы находитесь у нас в гостях, приглашают и вас.

...И вот мы снова мчимся по венгерским долинам, любуясь созревающими хлебами. Проносимся по гулким каменным мостовым чистеньких деревень, в этот воскресный жаркий день словно принарядившихся для встречи урожая. Долгая дорога в конце концов приводит нас в старый город Озд, втиснутый в узкую долину меж высоких холмов, переходящих к границе Чехословакии в крутые, густо поросшие лесом горы. Зал старого, но вместительного Дома культуры заполнен до предела. Здесь и седые, морщинистые металлурги и совсем молодые рабочие. Много улыбок и добрых глаз, встречающих советских людей. На сцене появляется несколько человек. Один из них держит большой лист бумаги, окаймленный аккуратной рамкой,— это документ, свидетельство о том, что с этого дня весь коллектив металлургического комбината является членом Общества венгеро-советской дружбы. Выступает приехавший на праздник из Будапешта старый венгерский коммунист Ене Надь.

— Для нас, тех, кто всю жизнь отдал борьбе за новую жизнь, за счастье венгерского народа, наступили радостные годы. Кровь лучших сынов венгерского народа пролита недаром. Непросто один человек приходит к правде, еще сложнее бывает путь целого народа к исторической правде, к победе справедливого дела. Для венгерского народа самым большим другом является Советский Союз, давший возможность обрести истинную свободу и уверенность в трудовой, творческой жизни. Сегодняшнее событие — еще одна ступень, на которую поднялись труженики старого города Озда.

Утром мы увидели этот город и, признаюсь, не очень приняли эпитет «старый». Город был весь в строительных лесах, окружавших многоэтажные здания.

Первый секретарь горкома партии Георг Юхас, человек еще очень молодой, без переводчика разговаривал с нами:

— То, что произошло вчера,— естественное завершение борьбы металлургов Озда. Этот рабочий город имеет добрые боевые традиции. Еще во время революции 1848 года, всего через три года после того, как был создан завод, по призыву вождя венгерской революции Кошута рабочие завода вступили в ряды революционной армии. В течение полугода рабочие завода тогда выпускали пушки и другое оружие для тех, кто стоял рядом с Кошутом. Трудно передать всю историю завода, но можно сказать, что наиболее памятный рубеж нынешней истории относится к началу шестидесятых годов нашего столетия. Всего несколько лет назад и завод и город резко пошли в гору. Было построено восемь мартеновских печей. Впервые в Венгрии началось производство стали с кислородным дутьем. Сейчас комбинат выпускает около семидесяти профилей горячекатаной стали... Я не хочу приводить цифры, их трудно запомнить,— улыбнулся Юхас,— но могу сказать, что это не только техническая революция, но и революция в жизни, в быту, в культуре нашего города. Наши люди имеют возможность хорошо жить, отдыхать, лечиться... И главное, они прекрасно понимают, кто их истинные друзья. Даже в тяжелое время для Венгрии в 1956 году оздовцы не осквернили святого чувства дружбы к советскому народу... А теперь и говорить нечего: наша дружба — это опора жизни венгерского народа.

...В тот же день в нескольких километрах от Озда, в местечке Агтелек, в изумительно красивой пещере, где среди фантастических сводов построена сцена, мы были свидетелями огромного успеха ансамбля песни и пляски Южной группы войск. Зрители, что называется, не отпускали со сцены солистов ансамбля, исполнявших советские и венгерские песни.

...Вот тут и вспомнил я снова безвестного венгерского коммуниста, с которым свела меня судьба в ноябре 1942 года в землянке на прифронтовом аэродроме. Жив ли этот человек или нет, не знаю, но тепло его сердца, его мужество живут и поныне. Да, поныне...

В этом нам еще раз удалось убедиться, когда мы по приглашению руководителей города Дунауйварош оказались под вечер жаркого дня на берегу Дуная, километрах в шестидесяти от Будапешта. Если Озд был городом исторически старым, то Дунауйварош и без пояснений можно было отнести к городам молодым. Прямо на берегу Дуная, в буйной зелени, перед нами открылась картина новых зданий, широкие улицы и площади и какие-то особые, присущие, пожалуй, только новым городам спокойствие и размеренность жизни.

Мы подъехали к высокому светлому зданию горисполкома. Нас проводили в кабинет председателя горисполкома И. Шафалви, молодого энергичного человека с карими веселыми глазами. Там же, в кабинете, находились секретарь горкома партии И. Шудер и главный механик Дунауйварошского металлургического комбината Иожеф Бенде. Иожеф Бенде учился пять лет в Свердловске и отлично говорил по-русски. Он и выполнял в этой встрече роль темпераментного, остро чувствующего русский язык переводчика.

Все в этом кабинете было новым, от мебели до отделки стен. Прямо перед нами, занимая почти всю стену, висел голубовато-зеленый — по рельефу местности — проект, уже во многом осуществленный, города Дунауйварош.

— Живем в новом городе,— сказал секретарь горкома Шудер,— поэтому ищем новые формы в архитектуре, новые методы строительства. Город построен на берегу Дуная, отсюда и все его особенности. Но о самом городе, истории его расскажет председатель горисполкома товарищ Шафалви, у него такая обязанность...

— Это не столько обязанность, сколько удовольствие,— проговорил Шафалви.— В Дунауйвароше сейчас живет сорок восемь тысяч человек... Человек... Но что дают цифры, если они плохо используются для человека? Нашему городу пошел всего двадцать первый год. За это время, что вполне естественно, уже сменилось несколько стилей в строительстве. Это нашло отражение в его архитектурном облике. Но одна особенность Дунауйвароша отличает его от многих других городов Венгрии. Это, если можно сказать, первое творческое создание венгерского народа.

— На пятнадцатилетии города здесь был товарищ Янош Кадар,— сказал Шудер.— Он сказал тогда, что Дунауйварош показывает наше будущее, поэтому в нем и жить и работать надо лучше.

— Не потому, что вы сейчас у нас в гостях, мы говорим вам об этом,— продолжал Шафалви,— но этот город — символ венгеро-советской дружбы. И мы этим гордимся. Здесь работал советский каменщик товарищ Максименко со своей бригадой. Они научили наших каменщиков быстро класть стены. Его труд и труд его друзей переплетен с трудом венгерских строителей. Все жители нашего города знают об этом. И не просто знают, но и живут многие в переулке Максименко. Так мы назвали одну из наших улиц.

— У Дунауйвароша в Советском Союзе есть свой город-побратим в Донбассе, это Коммунарск, раньше его называли у вас Алчевск. Там тоже есть металлургический завод. Уже семь лет, как наш город дружит с Коммунарском,— добавил Шудер.— Каждый год мы обмениваемся делегациями, в которых всегда бывают металлурги и строители. Очень многому мы учимся друг у друга. Даже системе отдыха рабочих. У нас есть дом отдыха на Дунае, а в Коммунарске — на берегу Северского Донца.

— Конечно, в создании города было не все так просто... Были всяческие заблуждения. Многим не нравилась сама мысль о строительстве такого города...— Шафалви на мгновение остановился, словно решая, говорить ли все, что думает.— Для нас это был один из первых шагов превращения нашей страны из аграрной в индустриальную. В истории Венгрии в ту пору еще не было такого случая, чтобы создавали сразу целый город. Надо было затратить большие усилия. Это была проба возможностей страны, которая только ступила на путь строи-

Дунауйварош сегодня.

Самые маленькие граждане.

тельства социализма. Надо ли вам говорить, что были и скептики и враги? Когда появился лозунг о строительстве города для молодежи, то в деревнях попы и кулаки начали распространять слухи, что здесь, на берегу Дуная, хотят построить новую Вавилонскую башню, что из мальчиков будут воспитывать хулиганов, а из девушек — ясно кого... Но перед нами был пример Советского Союза. Мы знали о том, как строился Комсомольск-на-Амуре. На руку нашим противникам было и то, что в ту пору венгерская строительная промышленность была слабой. Но можно сказать, что на строительстве Дунауйвароша приобретало опыт все новое строительство Венгрии.— Шафалви снова остановился.— В Венгрии никогда не проектировали города, а только отдельные дома. Какие принципы положить в основу? И тогда мы вспомнили, что в Чили живет Тибор Вейнер. Он там окончил архитектурный институт. Много кочевал по свету. Мы подумали, может, он захочет вернуться на родину. Это был большой архитектор. Когда он вернулся, ему сделали два предложения: работать в институте в Будапеште или возглавить проектировку нашего города. Он избрал последнее. Это именно он неустанно укреплял веру строителей примером Комсомольска-на-Амуре. Это он предложил систему строительства микрорайонов. Мы всегда будем благодарны ему. Может быть, у нас нет единого стиля, но на это мы отвечаем венгерской пословицей: «В готовом деле даже дурак может найти ошибки». И хотя в городе нет полностью единого стиля, мы довольны. Так ведь я говорю? — обратился рассказчик к Шудеру.

— Конечно, так,— ответил секретарь горкома.— Мы ведь не только строили город, но и металлургический завод. Пустили доменный цех. Так что у нас город и завод, можно сказать, родные братья.

— А когда мы окрепли, приобрели опыт, когда начал действовать на полную мощь комбинат, мы стали думать о том, что нельзя допустить, чтобы пропадал шлак. Мы начали делать из шлака блоки для строительства домов. И это оправдало себя. В 1964 году мы построили завод по строительству домов. Теперь мы строим при помощи завода тысячу двести квартир в год,— продолжал Шафалви.— Сейчас наша задача — строить наиболее удобные для жилья квартиры.— Наш собеседник остановился и посмотрел в окно. По небу метались розовато-багряные краски заката.— Мы бы хотели еще показать вам музыкальную школу имени нашего прекрасного композитора Кодаи. Я думаю, для товарища Блантера это будет особенно интересно.

— Да, конечно,— сказал Блантер.— Я хорошо знал Кодаи... Он не один раз бывал в Москве, и мы были добрыми знакомыми.

— Он умер четыре года назад, но школа эта, по существу, является его детищем. Идемте, нас ждут дети и преподаватели. Они приготовили для вас специальную программу.

Мы вышли на площадь. Легкий прохладный ветерок тянул с Дуная. По площади молодые папы и мамы катили детские коляски. Было тихо и спокойно. Здесь же, неподалеку от горисполкома, оказалась и музыкальная школа. Нас встретили преподаватели и учащиеся школы. Директор школы Тот Ласлане пригласила нас к себе в кабинет. Она поведала нам о принципах обучения в этой школе.

— Мы учим детей музыке по методу Кодаи. В зависимости от класса дети одновременно с общей программой обучаются музыке, четыре или шесть часов. Наша цель — привить детям музыкальную культуру. У нас восемьсот учащихся, конечно, не все таланты... Но те, кто проявляет способности, могут после окончания школы специализироваться в той области, в которой они наиболее ярко проявили себя. Наш опыт говорит о том, что оценки по всем предметам у нас лучше, чем в других школах.

Беседа сопровождалась где-то вдали звучащими голосами.

— Это они готовятся к встрече,— сказала Тот Ласлане.— Прежде чем отправиться к учащимся, не могу не сказать вам, что у нас есть определенные достижения. На школьном музыкальном фестивале наш хор завоевал первое место. Пражская филармония пригласила нас на праздник в Готвальдов, и мы готовимся к поездке... А до этого наш хор был в Польше и тоже успешно выступал... А какой у нас репертуар, вы познакомитесь с ним сами.

В большом зале, тесно прижавшись друг к другу, стояли ребятишки. Они с жадным любопытством смотрели на нас. Молодая преподавательница махнула рукой, и в зале зазвучала народная венгерская песня. За ней еще одна... Ребятишки пели вдохновенно и взволнованно. Затем вдруг на русском языке мы услышали: «Широка страна моя родная»...

Тот Ласлане обратилась к учащимся:

— Дети, у нас в гостях советский композитор Матвей Блантер, автор знаменитой песни «Катюша».— Она обратилась к Блантеру: — Мы были бы счастливы, если б могли исполнить эту песню в вашем сопровождении.

Блантер подошел к пианино и тронул клавиши. «Расцветали яблони и груши...» — звучно запели ребятишки.

...А потом мы перешли в спортивный зал школы и смотрели, как учащиеся старших классов танцевали чардаш. Тут было все: и природная грация, и естественное чувство музыки и ритма, и самозабвенная отдача стихии народного венгерского танца.

...В полночь мы покидали гостеприимный город Дунауйварош. Мы словно бы заглянули в душу новой Венгрии, услышали ее звонкие голоса, почувствовали ее дружеское тепло.

...Да, тепло... Вот когда снова возникло в памяти почти физически ощутимое тепло неизвестного мне венгерского коммуниста, с которым свела меня судьба в суровые дни зимы 1942 года на рубежах брянского леса. И словно бы от этого тепла потаял снег прошедших лет, и память зримо вынесла перед глазами медленные взмахи его руки, провожавшей меня в полет. И показалось, что этот неизвестный мне венгерский коммунист не только провожал меня, но издалека, из глубин брянского леса, приветствовал эту новую, милую его сердцу родину — Венгрию.

Л. ЛЕРОВ, Вл. ПАВЛОВ, Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

ВОЯЖ ФРАНСУА ДЕ ПЕРРЕГО

...Молодой, высокий, светловолосый иностранец в галстуке-бабочке выскочил из такси у здания Шереметьевского аэропорта. Регистрация билетов и багажа пассажиров на рейс номер ноль сорок Москва — Вена уже началась. Иностранец очень торопился. Он даже забыл свою зеленую папку в таможенном зале, на столе, за которым заполнял декларацию.

Впрочем, пограничный контроль и таможенный досмотр заняли у него не много времени: документы оказались в полном порядке, а в единственном саквояже не было ничего, что могло привлечь внимание таможни.

Маленькая заминка произошла лишь при обмене валюты. Иностранец предъявил справку, удостоверяющую, что при въезде в нашу страну он обменял доллары на советские деньги. Теперь он желал использовать свое право обмена остатка этой суммы на доллары. Девушка-кассир посмотрела на замысловатую роспись получателя, положила справку на край окошечка и попросила:

— Распишитесь на обороте... Вот здесь.

Иностранец вытащил из кармана шариковую ручку и расписался. Девушка протянула было деньги, но тут же отдернула руку, брови ее удивленно взметнулись вверх.

— Но это не похоже на вашу подпись! В получении советских рублей вы расписывались по-другому!

Иностранец чуть заметно вздрогнул, но тут же растянул губы в улыбку и сказал по-английски:

— О-о! Пустяки!.. Спешка... Я очень спешу...

— В таком случае попрошу вас еще раз расписаться...

Иностранец пожал плечами, что-то сердито пробормотал, но старательно вывел подпись.

— Теперь другое дело! — в свою очередь, улыбнулась кассирша.

Иностранец наскоро засунул доллары в карман и торопливо проследовал в зал ожидания.

До начала посадки на самолет оставалось еще минут десять. Но иностранцу не терпелось. Он сел в кресло, развернул газету, тут же вскочил и стал расхаживать по залу. Снова сел. Снова встал, подошел к стеклянной стене, за которой открывался вид на аэродром, и опять направился к креслу...

Его крупная, слегка выдающаяся вперед нижняя челюсть судорожно двигалась, непрерывно перемалывая резиновую жвачку, которую он то и дело плитками отправлял в рот. На лбу выступила испарина. Каждое объявление по радио заставляло замирать и напряженно вслушиваться..

Наконец радио пригласило пассажиров, вылетающих в Вену, на посадку в самолет. Прежде чем двинуться к выходу, иностранец забежал в телефонную кабину, сунул в щель монету, снял трубку. Обидно: автомат молчал. Искать другой некогда...

Он предъявил у выхода посадочный талон, вместе с другими пассажирами миновал стеклянный туннель и вышел на взлетное поле. С трудом сдерживая нетерпение, он ждал своей очереди у трапа. Вот поднялись и исчезли в серебристом чреве воздушного лайнера две женщины в накидках, за ними какой-то важный старик в золотых очках. Наконец, иностранец занес ногу на первую ступеньку... Теперь только трап отделял его от кресла в салоне «ИЛ-62», готового подняться в воздух...

В этот момент на взлетном поле появилась «Волга», круто развернулась и, взвизгнув тормозами, остановилась под крылом самолета. Из машины выскочил офицер-пограничник.

— Простите,— по-английски обратился он к иностранцу,— вы господин де Перрего?

— Да, я... А в чем, собственно, дело?

— Маленькая неувязка... Прошу проехать со мной на контрольно-пропускной пункт.

— Но как же самолет... Мой билет!..

— Не беспокойтесь. Вылет будет задержан, пока не закончим все формальности. Это дело нескольких минут!

— Но...

— Мы теряем время, господин де Перрего! Прошу! — И офицер распахнул дверцу автомобиля.

В комнате, куда офицер привез господина, было пусто. Только в углу, у окна, сидел какой-то худощавый человек в штатском. Офицер жестом указал господину на стул. Тот сел и развязно закинул ногу на ногу.

— Будьте любезны, предъявите ваш паспорт.

Иностранец вытащил синюю кожаную книжечку со швейцарским крестом, передал ее пограничнику и вытер платком снова выступившую на лбу испарину.

Некоторое время офицер внимательно изучал паспорт.

— Вы подданный Швейцарии?

— Да... Но...

— Почему же в таком случае вы говорите по-английски, а не по-немецки или по-французски?

— Видите ли... Я родился в Англии. У нас дома принят английский. Это мой родной язык.

— Послушайте,— сказал офицер.— Это ваш документ? И Франсуа де Перрего — ваше настоящее имя?

— Я протестую! — закричал иностранец, вскакивая с места.— Я немедленно...

— Не горячитесь,— спокойно перебил его офицер.— Если это ваш паспорт, вам беспокоиться нечего... Вот бумага, подтвердите письменно...

В комнате наступила тишина. Склонив голову набок, иностранец старательно выводил слова, перечитывал написанное, что-то зачеркивал, исправлял.

— Вот,— проговорил он наконец.— Прошу

вас...— И стал нетерпеливо поглядывать на часы.

Офицер бегло прочитал написанное иностранцем, в упор посмотрел на него и, покачав головой, спросил:

— Все-таки настаиваете на де Перрего?.. А напрасно!

Иностранец возмущался, размахивал руками, выкрикивал бессвязные слова: «Требую!..», «Посольство!..», «Произвол!..».

Тогда худощавый человек в штатском, который до сих пор не произнес ни слова, подошел к нему, встал за его спиной, положил руку на плечо и, наклонившись к уху, устало сказал по-русски:

— Не надо, Михеев... Мы ведь все знаем. Кончайте...

Иностранец, словно громом пораженный, тяжело опустился на место. Некоторое время он молчал. Потом, ни на кого не глядя, тяжело произнес на чистейшем русском языке:

— Вы правы... Я не де Перрего... Я — Михеев.

Все это случилось вечером 3 октября 1970 года...

* * *

Кто же он такой, мнимый «иностранец», выдававший себя за швейцарского подданного Франсуа де Перрего?

...В год рождения Димы Михеева — 1941-й — в авиационной катастрофе погиб отец (летчик гражданской авиации), и все заботы о воспитании мальчишки легли на плечи матери. Дима учился в школе, был октябренком, пионером, комсомольцем. Но, как выяснилось на следствии и на суде, уже в школе юноша был обременен чрезмерной уверенностью в своей исключительной одаренности, в том, что судьба предначертала ему особое место в жизни, особую роль и что он стоит на голову выше других. Мать, школьные наставники не приметили это, как не приметили и желание юноши блистать своим особым, критическим отношением ко всему окружающему, ко всему советскому. Всякое общее дело — будь то собрание или выборы народных судей, туристический поход или субботник — он считал уделом «серой толпы», недостойным представителя «думающей элиты», к которой причислял и себя.

Михеев хорошо учится в школе, увлекается музыкой, живописью, поет, но живет он только для себя, ему чужды заботы друзей, заботы окружающего его мира, ему чуждо было общество, на которое он уже в школьные годы смотрел свысока. Дима казался матери умнее и выше всех его сверстников. А он уже тогда подбирал себе таких товарищей, которые боготворили бы его, во всем соглашались с ним, для которых он был бы своеобразным оракулом. Так еще в юношеские годы начинал формироваться будущий «властитель дум» — «я есть пуп земли». Все это обнаружится позже в сочинениях Михеева, в михеевском дневнике — он начал вести его еще в десятом классе и вел почти до самого дня ареста. Листая этот дневник, следователи Комитета государственной безопасности, проводившие предварительное расследование, поначалу просто диву давались: где, в какой башне из слоновой кости проживал его автор, возомнивший себя судьей над всем и вся, откуда у него столь превратные, ложные представления о советской действительности? Но чем больше они вчитывались в страницы дневника, тем больше убеждались: мысли, наблюдения у автора отнюдь не оригинальны — либо они заимствованы из всяких антисоветских листовок, «манифестов», фальшивок, фабрикуемых на Западе и тайно забрасываемых к нам идеологическими диверсантами, либо это перепевы всяких «радиоголосов».

Настоящее перерождение Михеева началось в студенческие годы, в университете. Разумеется, Михеев стал на преступный путь не потому, что сделался студентом. Более того, студенческий коллектив немало сделал для того, чтобы предотвратить падение Михеева. Вместе со своими однокашниками он ездил летом на целину, вместе с однокашниками с веселыми песнями возвращался в Москву, полный впечатлений. Настоящая жизнь, которую он не только увидел, но и ощутил всем своим существом, начисто сметала его шаткие «идейные» позиции. Но тут же ему услужливо подбрасывалась какая-нибудь очередная антисоветская стряпня, и все пережитое, увиденное трансформировалось им по подсказке чужого «голоса», иностранца, нашептывавшего: «Это все пропаганда...» И он говорил сам себе: «Таких, как я (читай: таких гениальных, как я!), не проведешь...» И это в первую очередь ловко использует новоявленный друг Михеева — Эско, иностранный студент, которого, увы, меньше всего интересовали науки...

...Есть болезнь, называемая ботулизмом. Болезнь эта тяжелая, но заболевают ею нечасто. Дело в том, что для развития микроба, вызывающего ботулизм, требуется одновременное стечение целого ряда обстоятельств: строго определенная температура, темнота, отсутствие кислорода, подходящая пища. Лишь в этих условиях могут прорасти споры и превратиться в болезнетворные бациллы. Нечто подобное произошло и с мировоззрением Михеева. Споры зазнайства и убежденности в своем особом предназначении, быть может, никогда не проросли бы в душе Дмитрия, не повстречай и не сойдись он в университете с этим самым Эско и со многими другими чужеземными «поклонниками» его гипертрофированных «талантов». Они действуют тонко и энергично, прекрасно понимая, что душа-то Димина уже основательно тронута ржавчиной. Как многие физики, Михеев увлекся философией. А тут у него появился недобрый советчик — Овчинников, маленький, желчный, вечно брюзжащий человек. Встречаясь с Овчинниковым, Михеев подолгу обсуждал с ним разные проблемы, в том числе и философские. И разговор этот Овчинников вел так, что немало способствовал укреплению тех заблуждений, в плену которых пребывал будущий аспирант.

Сейчас уже трудно установить, почему именно Овчинников остановил свой взгляд на ничем не выдающемся среди других студентов Михееве. Скорее всего потому, что угадал в нем человека слабовольного, без твердых принципов, страдающего непомерным самомнением.

Михеев стал встречаться со своим «духовным отцом» не только в стенах университета, но и в философском кружке и на квартире Овчинникова. Разглагольствовали о «демократии». Овчинников имел на сей счет особую, по свидетельству Михеева, точку зрения, обсуждались очередные передачи Би-би-си, «Голоса Америки» и прочих «голосов». С Овчинниковым же Михеев обсуждал и методы борьбы за установление «истинной» демократии в нашей стране, в частности методы распространения «самиздатовской», то есть антисоветской, литературы.

Пройдет время, и у Михеева установятся дружеские отношения с одним из представителей так называемого «самиздата», студентом Славой Великановым, и его супругой Ольгой Ступаковой. Великанов был тем источником, откуда Михеев получал антисоветскую литературу. Дима стал бывать у него в гостях, перепевал уже упомянутые радиопередачи и разговоры с Овчинниковым. А Слава, целиком разделявший михеевские взгляды, снабжал его разнообразным чтивом, которое засылалось в СССР из-за рубежа: писаниями экзистенциалиста Бердяева, очередными номерами энтеэсовского журнала «Посев» и тому подобными изданиями. А зимой прошлого года Слава передал Михееву пленку с текстом изданной за границей книги предателя Родины Авторханова «Технология власти». Справедливости ради отметим, что сам Михеев часто и не подозревал, что представляют из себя авторы книг, «любезно» предоставляемых ему Славой.

Воспользовавшись услугами одного студента, связанного с университетской фотолабораторией, Михеев с пленки, полученной у Великанова, сделал отпечаток этой книги и дал его почитать Овчинникову. Поблагодарив за чтиво, Овчинников попросил своего студента отпечатать и для него один экземпляр для личной библиотеки.

Впоследствии под влиянием всех этих книг Михеева охватит писательский зуд. Зуд этот отнюдь не был бескорыстен, он имел свою материальную основу. Дима понимал, что труды его могут быть изданы (точнее: охотно будут изданы) только на Западе. И это его вполне устраивало: хорошая материальная база будущей «сладкой жизни»... Так в процессе клеветнической стряпни зарождались мысли о побеге, о реализации «творений гения», далеко идущие планы по части больших денег. Свой первый литературный опус Михеев назвал «Как оболванить народ» и подписал псевдонимом «Илья Гремин». Каков характер этого сочинения, нетрудно представить хотя бы по тому, что Михеев называет вскормивший его советский народ «болваном», не имеющим самостоятельного мышления. Михеев размножил свое сочинение в четырех экземплярах. Один оставил себе, а три других подарил «духовному отцу» Овчинникову, Славе и иностранному студенту Эско, которого мы уже называли и о котором речь еще пойдет впереди.

Первый опыт и в общем «благоприятные» отзывы, высказанные «читателями», разожгли у «Ильи Гремина» аппетит. Он пишет еще одно «философское» исследование под названием «Империя лжи». Глубиной мысли и изяществом стиля автор не блещет. Работает он грубо и явно на потребу западных издателей. За сим Михеев принимается за широкое «научное» полотно, названное им «Эволюция русского общественного сознания». Сие сочинение осталось незаконченным — Михеев написал лишь фрагменты нескольких глав. Однако и по этим фрагментам нетрудно понять: жалкий пигмей замахивается на гиганта, на самое святое, что есть у его соотечественников.

Но все это будет потом. А пока Михеев решается на первую разведывательную вылазку в массы — «гений» жаждет признания. Он решил провести в только что организованном студенческом дискуссионном клубе философский диспут на весьма туманную тему «Цинизм и общественный идеал». Почему именно была выбрана такая тема? Да потому, что она дает возможность говорить о чем угодно. А Михееву, который председательствовал на диспуте, это и требовалось. Прения открыл невесть откуда взявшийся человек по фамилии Кузнецов, не имевший никакого отношения ни к дискуссионному клубу, ни к университету. Несмотря на пятиминутный регламент, Михеев дал ему возможность произнести целую речь, изобилующую малограмотными антисоветскими измышлениями. Зато студентов, протестовавших против клеветнических утверждений Кузнецова, обрывал на полуслове.

После диспута с Михеевым долго и по душам говорили в парткоме университета. Это было своеобразным продолжением диспута. Умудренные житейским опытом, идейно закаленные коммунисты понимали: перед ними сидит молодой человек, у которого в голове полный сумбур, которому надо спокойно, убедительно доказать и разъяснить, «что есть что», в чем источник его заблуждений. Михеев каялся, признавал свою вину; казалось, что Дима все понял. «Да, я заблуждался. Да, я все осознал». Ему поверили. Его пожалели: учитывая, что у Димы погиб отец, общественные организации университета нашли возможным рекомендовать Михеева в аспирантуру. Люди, поверившие ему, не подозревали, сколь далеко зашел болезненный процесс, активными катализаторами которого явились, с одной стороны, антисоветская литература, обильно и тайно засылаемая в СССР нашими зарубежными идеологическими противниками, а с другой — дружба Михеева с этими же противниками, прикрывавшимися удостоверениями иностран-

ных стажеров или студентов МГУ. В университете в порядке культурного обмена со многими странами, в том числе и капиталистическими, стажируются и учатся юноши и девушки из разных государств. Но среди них оказались и такие, которые по-своему (нетрудно догадаться, в чьих интересах) использовали доброе отношение к ним советской молодежи, профессоров, преподавателей МГУ. Этих иностранных стажеров и студентов, как показал открытый судебный процесс, менее всего привлекала возможность обогатиться знаниями в университете, известном во всем мире. Их увлекала другая сфера деятельности, имеющая зарубежных попечителей. И объектом своего идеологического наступления они избрали Михеева, не без оснований считая его вполне подходящим для этой цели.

...На какое-то короткое время Михеев, окрыленный зачислением в аспирантуру, берется за науку. Но когда ему стало ясно, что на этом поприще ему не быть звездой первой величины, не блеснуть — «Вот какой я гениальный физик!» — пыл к занятиям начинает ослабевать.

В Доме студентов МГУ, в котором Михееву была предоставлена комната (зона «Б», блок 965), в 1967 году он познакомился с Эско и подружился с ним. Первое время Эско старался предстать перед другом этаким «объективным наблюдателем советской жизни», в которой кое-что ему и нравилось. Но вот он стал осторожно «прощупывать» собеседника. Он, Эско, не может не посочувствовать положению в СССР «критически мыслящих» личностей — таких, например, как Дима. На Западе куда больше возможностей для «самовыражения индивидуальности». И, чувствуя, что разговоры эти вызывают у Михеева повышенный интерес, Эско раз за разом возвращался к этой теме. Однажды, как бы между прочим, он сказал, что семья его живет недалеко от границы с Советским Союзом, и он обратил внимание: «Не очень-то строги тут и наши и ваши пограничники. Советские охотники частенько забредают к нам. Случается, даже дети, собирая грибы, переходят за линию пограничных столбов...»

— Но ведь всех нарушителей возвращают? — неуверенно спросил Михеев.

— Да, как будто существует такая договоренность...— небрежно обронил Эско.— Ну и что? Подумаешь! За одну ночь перемахнешь через границу... А потом куда хочешь двигай... Пока хватятся, можно укрыться в безопасном месте...

И Эско тут же перевел разговор на другую тему, точнее, все на ту же: Запад и интеллигенция. Желая сохранить видимость объективности, он иногда касался и острых проблем капиталистического мира, изобличал его, но делал это так, чтоб Михееву все эти проблемы казались малосущественными и легкоразрешимыми.

Слова Эско падали в почву, основательно обработанную и удобренную. Слова эти глубоко западали в душу Димы, постепенно приучая его к мысли, что надо бежать на Запад. Там-то он заживет по-настоящему. Сперва это была только смутная мысль, но она постепенно созревала, перерастала в решение и даже в кое-какие планы... Когда Михеев рассказал об этом Эско, тот принял его замысел как нечто само собой разумеющееся и даже пообещал помощь. А тут еще близкие друзья разжигали страсти, рисовали в самых радужных красках предстоящую «райскую» жизнь — Запад, единственное якобы место, где он сможет найти условия для своего интеллектуального развития. Но бывало и так — редко, ненадолго: где-то в самой глубине мелкого михеевского существа начинал шевелиться червяк сомнения. «Откуда в конце концов Слава и Оля могут знать, как оно там будет, в чужой стране? Где я найду друзей? Где приклоню голову?.. А каким тяжким ударом будет для мамы известие о моем побеге!..» Страшный призрак одиночества человека без родины, без родных, близких, страх перед возможной неудачей заставляли Михеева мучиться, вскакивать по ночам в холодном поту, расшатывали нервы... К тому же он не мог не знать, как там, на Западе, поступают с такими, как он, после того, как специальные службы сделают свое грязное дело до конца. Но это душевное противоборство продолжалось недолго.

Было еще и такое обстоятельство. Михеев читает антисоветскую литературу, распространяет ее в узком кругу тех нескольких советских студентов, которые оказались его единомышленниками. Но ни на один час его, в общем-то человека мелкого, трусливого, истеричного, не покидает чувство страха — он ждет обыска... А обыска нет. Никто Михеева не тревожит. И ему кажется, что деятельность его окутана тайной, что он может действовать безнаказанно. Дима наглеет, ведет какие-то переговоры с иностранными студентами (конечно, только с теми немногими, кому «особо» доверяет), зазывает их к себе в гости, сам частенько наведывается к ним. Вот в это-то самое время Михеев и решил открыть свой замысел близкой знакомой, иностранной студентке Анике Бекстрем. Именно она в немалой степени рассеяла его колебания и подтолкнула к окончательному решению: бежать! «Вы взрослый, самостоятельный человек. Вы должны сами решать свою судьбу... Если бы речь шла о моих детях, я бы предоставила им полную свободу выбора. Так же должна поступить и ваша мать,— говорила она, играя на самых святых чувствах.— Вы слишком бережете себя. А будет неудача... Что ж, в конце концов жить можно и в тюрьме! Зато, если ваш побег удастся, подумайте, какие возможности откроются перед вами! Какая красивая жизнь ждет вас... Приезжайте ко мне, я буду вам другом, познакомлю вас с моими друзьями!..»

И тут же Аника принималась расхваливать своих друзей, рассказывать, какие у них квартиры, автомобили, холодильники, как они проводят вечера в ресторанах, как они кутят, развлекаются. «Все это ждет вас, Дима. Я обещаю финансировать ваш побег». У «властителя дум», разыгрывавшего из себя «борца за свободу», потекли слюни: ах, какая красивая жизнь! И, оставшись наедине с самим собой, он подзадоривал себя: «Дима, не будь мягкотелым интеллигентом, будь суперменом, действуй...»

Итак, Михеев решил изменить Родине и бежать. Самый простой план побега подсказал ему Эско: перейти границу. Но Эско скоро уедет, а там... Кто знает, выполнит ли он свое обещание выяснить возможность перехода финской границы? Да и помогут ли такие сведения? Вот если б добыть подробную карту!

Первую попытку перейти границу, а заодно разведать, какие перспективы сулит этот план, Михеев предпринял летом 1969 года. В июле он приехал в Выборг, потолкался на вокзале, выясняя расписание поездов, идущих к границе, купил карту и выписал названия населенных пунктов, расположенных по северную сторону города. Потом плотно пообедал в привокзальном ресторане, а вечером сел в поезд, идущий в Финляндию.

Нетрудно предвидеть, чем закончилась эта поездка. Как только поезд выехал за пределы Выборга, в вагоне, где ехал Михеев, появился наряд пограничников. Ему стало ясно: встречи с ними не миновать. Он сам подошел к старшему наряда и объяснил, что хотел навестить живущего в пограничной зоне родственника, фамилию и адрес которого тут же придумал. Разумеется, командованию пограничной комендатуры, в которую привезли Михеева, не составило труда узнать, что такого «родственника» и в природе не существует, как не существует и адреса, по которому он якобы проживает.

Тем не менее, выяснив личность Михеева, пограничники оштрафовали его на десять рублей и отпустили. Единственный вывод, который он сделал для себя, заключался в том, что нелегальный переход советской границы — дело мертвое и надо придумать иной план побега. Но какой?..

(Продолжение следует.)

ПОД ЮЖНЫМ НЕБОМ

Михаил АНДРИАСОВ

Рассказ бухгалтера Петушкова

«Метеор» стремительно мчался вверх по реке. Я направлялся в станицу Раздорскую. В салоне случайно встретил своего давнего доброго знакомого — бухгалтера Карпа Адамовича Петушкова. Мы давно не виделись.

Несмотря на то, что годы чуть согнули плечи Петушкова, прибавили морщин на его энергичном, подвижном лице, характер бухгалтера, как я заметил, остался прежним.

Он шумно кинулся навстречу, пересыпал свою речь шутками, рассказывал о житье-бытье:

— Мы теперь в новом доме, получили хорошую квартиру. Тут тебе и холодная и горячая вода, и мусоропровод, и печь не надо зимой топить, и телефон недавно поставили.

Я слушал Петушкова, и глазам открывалась отрадная картина. По словам бухгалтера, у них во дворе хотя и небольшой, однако очень милый, уютный садик. Стоят нежные, с голубоватым отливом ели. Они так хороши и настолько застенчивы, что словно норовят спрятаться за густыми кронами раскинувшихся над ними лип...

— В общем, дом у нас как дом,— говорил Карп Адамович.— Жить бы в нем да жить, если бы не некоторые обстоятельства, появляющиеся с наступлением лета. В эту пору года, как известно, все спят с открытыми окнами. Жители нашего дома не исключение. Ведь ночью и в предутренние часы даже в большом городе властвует тишина.

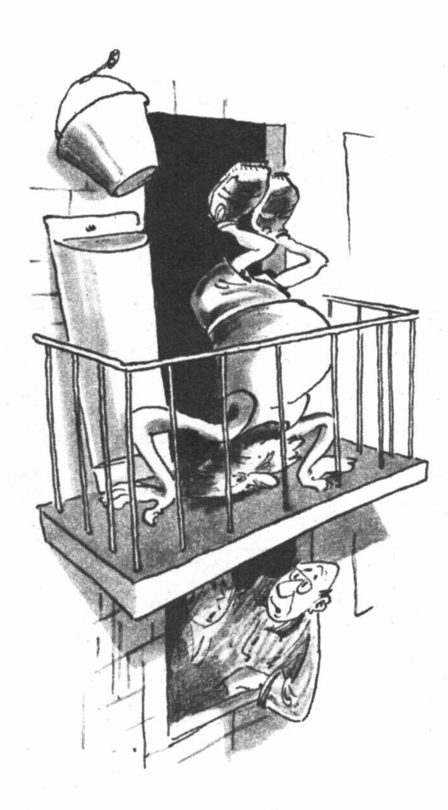
Однако в доме Петушкова все обстоит несколько иначе.

Примерно в пятом часу утра, в ту самую волшебную пору, когда людей одолевает самый-самый сладкий сон, в открытые окна Петушкова внезапно врываются удары молота о деревянный пол.

— Черт знает что такое,— бормочут побледневшие от испуга сонные жильцы. Верующие бабуси осеняют себя крестом, шепчут слова спасительной молитвы. Неверующие находят в этом случае слова, явно противоположные евангельским:

— Черт его знает! Какому идиоту задумалось ночью ремонтировать пол?!

Приняв таблетку валидола, наи-

более непоседливые бросаются к окнам и тут же теряют дар речи...

На одном из балконов сосед Петушкова — дедушка не первой молодости — занимается физической зарядкой. Бог весть кто научил дедусю при зарядке внушительно притопывать ножками о каменный пол. И хотя ножки дедушки обуты в мягкие спортивные тапочки, его невинные пристукивания в предрассветной тишине отдаются в ушах спящих ударами кузнечного молота. Только и всего!

Жильцы молча возвращаются к постелям. Лежат с открытыми глазами и тревожно прислушиваются к топоту на балконе.

И в эту минуту доносится взрыв бурных аплодисментов. Дедушка перешел к новому упражнению. Приседая, он самозабвенно хлопает в ладошки.

...— Но притопывания и прихлопывания,— продолжал Карп Адамович,— это только цветики. Наш дедуся, знаете, исповедует систему йогов. Он уже дошел до восьмой минуты...

— До восьмой минуты,— не понял я.— Что это значит?

— Восемь минут он стоит на голове.

— На голове?

— Ну, не совсем на голове, но вверх ногами, корябая стенку.

— А сколько же лет вашему спортсмену?

— Восемьдесят три. Дед уверяет всех, что если бы не йоги, он давно бы отбросил копыта. «Цель моей жизни,— говорит поклонник йогов,— добиться того, чтобы стоять на голове десять минут».

— Ну и близок он к цели?

— Пока нет. На восьмой минуте падает. И это самое страшное для всех нас испытание.

— Почему?

— Видите ли, когда он падает, во дворе словно проносится тайфун. Дедок все же увесистый, килограммов на сто... И каждый раз он сбивает ногами цинковую выварку и два ведра, висящие на одном гвозде. Правда, он обещает соседям, когда дойдет до десяти минут, начать совершенствовать свою стойку с технической стороны, чтобы не сбивать выварку и ведра.

— Ну, а вы бы посоветовали ему их перевесить.

— Его балкон... Говорит, что для них это самое удобное место.

По словам Петушкова, на дедушкины упражнения по системе йогов уходит минут тридцать. Но как только он покидает балкон, раздается мощный грохот уже другого калибра. Что бы это значило? Пионеры собираются в лагерь? Но дробь не барабанная. И потом какой тиран поднимет ребятишек в пять утра?!

Пионеры здесь ни при чем. Это второй этаж откликнулся на инициативу третьего. На балконе стоит солидная, весьма упитанная тетя и что есть сил гвоздит выбивалкой по разложенному на столе матрацу. Этой зловещей экзекуцией тетя со второго этажа занимается непоколебимо на рассвете каждого утра. Жители ломают головы: а что, собственно, с таким ожесточением на самой ранней зорьке так самозабвенно изгоняет тетя из этого битого и перебитого матраца?!

Стрелки часов стремительно бегут вперед. Около шести утра на третьем балконе появляется весьма немолодой мужчина в пестром халате. В руках у него транзистор. Жизнь для него без транзистора невозможна.

Мужчина ставит на ограду балкона свою музыкальную бомбу, вытаскивает антенну, и весь двор оказывается во власти умопомрачительной какофонии. Тут и буги, тут и вуги, тут и твисты, тут и свисты и бог знает что еще!.. Радиорычание столь свирепо, что даже известный всему району полутораметровый соседский дог по кличке Пупсик испуганно забирается под диван...

Мужчина в халате сияет. Он на вершине блаженства. В семь утра, в восемь, в девять и так последовательно до десяти вечера на балкон шестого этажа выходит хрупкая молодая женщина и голосом, явно превосходящим ее физические данные, бросает во двор:

— Се-ре-жа!

До того, как наступит вечер и погаснут в квартирах огни, во дворе еще будет немало всяческих явлений.

Когда южная ночь начинает окутывать город, жильцов охватывает одна дума: «А что еще будет сегодня?»

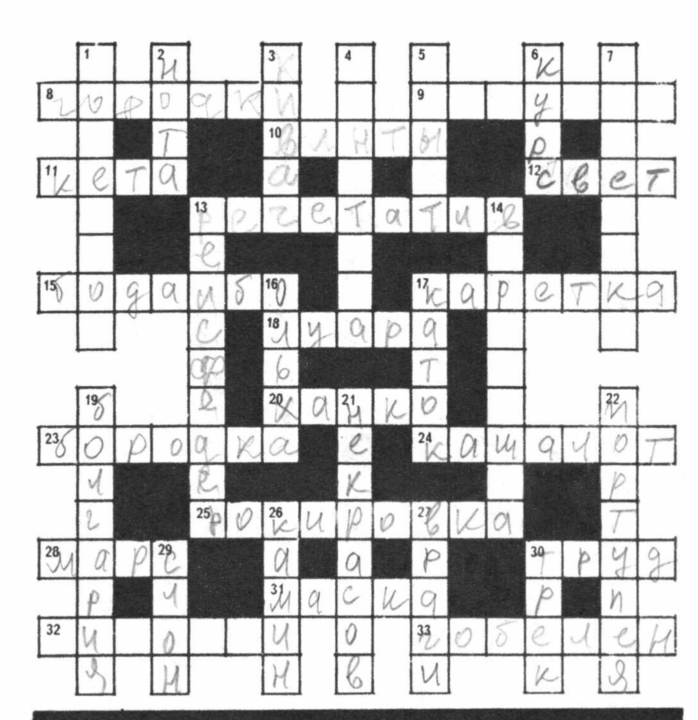
Ждать долго не приходится.

Во дворе, среди лип и елей, мелькает чья-то тень. И вдруг пронзительно звучат «стихи». Это как бы заключительная, литературная часть уходящих суток. Один из тех, кто любит делить бутылку на двоих или на троих, вдохновленный Бахусом, под гитару услаждает слух засыпающих своими «божественными» виршами:

Я — один, а в саду так темно,
Покажися, любимая Дуся...
О красавица, выдь на окно,
Я к тебе всей душою стремлюся...

...Катер подходил к пристани. Петушков лихорадочно заканчивал свой рассказ:

— Вы знаете, я атеист. Но, выслушав это любовное завывание, я каждую ночь скорбно обращаю свой взор к небу и как молитву бормочу: «О, всемогущий, вразуми ты эту самую несравненную Дусю, пусть она в конце концов выйдет. Может быть, на этом кончатся наши страдания. О боже! Откликнись!»

КРОССВОРД

По горизонтали: 8. Спортивная игра. 9. Русский математик и механик. 10. Снасть для укрепления мачты. 11. Промысловая рыба. 12. Электромагнитное излучение. 13. Напевная декламация. 15. Город в Иркутской области. 17. Рамка с валиком в пишущей машинке. 18. Река во Франции. 20. Полуостров в Финляндии. 23. Выступ на ключе. 24. Морское млекопитающее. 25. Шахматный ход. 28. Планета. 30. Название газеты. 31. Принадлежность карнавального костюма. 32. Автор комической оперы «Виндзорские проказницы». 33. Тканая картина.

По вертикали: 1. Советский скульптор. 2. Музыкальный знак. 3. Водопад в Карелии. 4. Комедия Н. В. Гоголя. 5. Слой осадочных горных пород. 6. Путь следования корабля, самолета. 7. Раздел языкознания. 13. Чертежный инструмент. 14. Птица рода соловьев. 16. Лиственное дерево. 17. Машина для уплотнения грунта. 19. Государство в Европе. 21. Русский поэт. 22. Ремень для ношения оружия. 26. Печь с открытой топкой. 27. Пьеса М. Горького. 29. Шахматная фигура. 30. Дорожка для гоночных состязаний.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 4. Гопак. 8. Карамзин. 9. Единорог. 10. Метрика. 13. Шторка. 15. Камбуз. 16. «Паяцы». 17. Вакцина. 18. Журавль. 19. «Детство». 21. Вокализ. 23. Репин. 24. Зарема. 26. Литера. 28. Ряпушка. 31. Динамика. 32. Акварель. 33. Роман.

По вертикали: 1. Корнет. 2. Кавери. 3. «Трагик». 5. Бронза. 6. Барсова. 7. Мотобол. 11. Евпатория. 12. Крыжовник. 14. Ариетта. 15. Каракал. 20. Еврипид. 22. Иремель. 25. Махаон. 27. Игарка. 29. Плафон. 30. Шпагат.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР чабан Салих Аттоев. Колхоз «Путь к коммунизму», Кабардино-Балкарская АССР.

Фото Э. Эттингера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Спортсменка-парашютистка Галина Скотникова. Ярославский спортклуб ДОСААФ имени В. В. Терешковой-Николаевой.

Фото К. Каспиева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/VIII-71 г. А 00593. Подп. к печ. 24/VIII-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1785. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1685.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МАЛЬЧИК ИДЕТ В ШКОЛУ

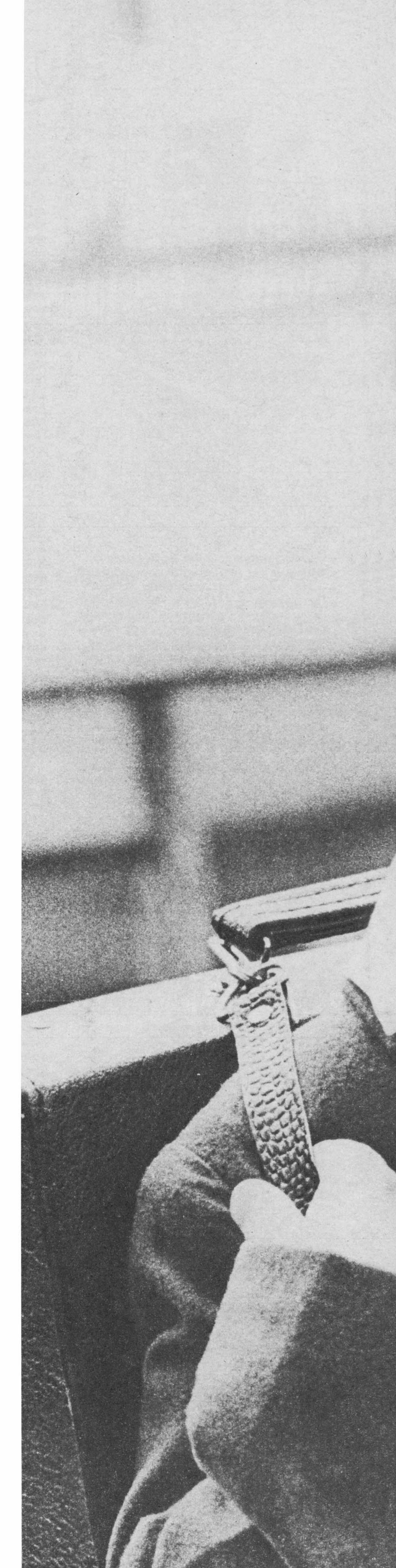
Мальчик пойдет в школу. Десятки миллионов мальчиков (и девочек!) пойдут в школы. В первый раз или в десятый раз. Новый учебный год — он всегда новый. И для москвича Андрюши Розина (он на фотографии), который будет теперь каждый день ходить на улицу Телевидения в школу № 625, и для всех других Андрюш, Петь, Сереж, Айварсов, Сулейманов и Вахтангов. Правда, московскому Андрюше, может быть, немного больше повезло, поскольку он будет учиться в базовой школе Академии педагогических наук, а науки, как известно, пробуют, испытывают, присматриваются. Расти под их неусыпными, внимательными очами всегда интересно.

Вот, например, око, называемое НИИШОТСО, что значит Научно-исследовательский институт школьного оборудования и технических средств обучения. Впервые этим летом институт организовал всесоюзный конкурс на лучшие учебно-наглядные пособия и учебное оборудование для школ. Знаете, сколько поступило на этот конкурс предложений? Почти полторы тысячи! 500 приборов и установок, полтораста макетов... Для первого конкурса это свидетельство большой активности, если учесть к тому же, что главные его участники (больше половины!) — школьные преподаватели. Это они в своих учебных кабинетах, и, наверно, не без участия старшеклассников, мастерили для Московской выставки приборы, наглядные пособия, макеты и карты. Некоторые добились большого успеха. Во всяком случае, после внимательного рассмотрения всех представленных на всесоюзный конкурс работ 208 пособий рекомендовали к серийному производству, 24 — к выпуску в качестве опытных серий и 260 — к самооборудованию. Это великолепно, если, конечно, постараться пройти побыстрее тернистый путь от рекомендации до массового выпуска!.. А еще есть технические средства обучения (кино- и диапроекционная аппаратура), и конкурс на эту тему будет проходить в следующем, 1972 году.

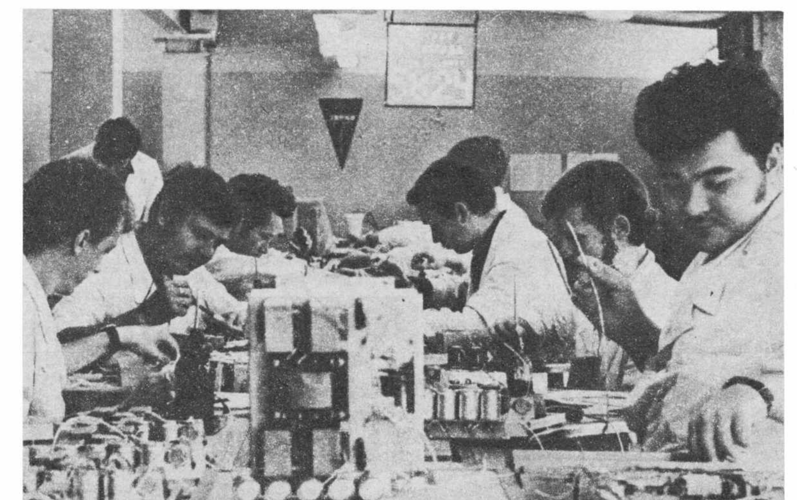
Но не едиными конкурсами жив НИИШОТСО! Идет непрерывное, планомерное насыщение школ техникой обучения, идет модернизация старых пособий и, если можно так выразиться, осовременивание учебного процесса. Казалось бы, раньше, во время оно, и без этой всей мудрости школы выпускали грамотных людей. Но разве можно сравнить с прежним тот объем знаний и информации, который обрушивается на школьника сегодня?! Андрюшам надо помогать — чем дальше, тем больше.

И. СЕМЕНОВА

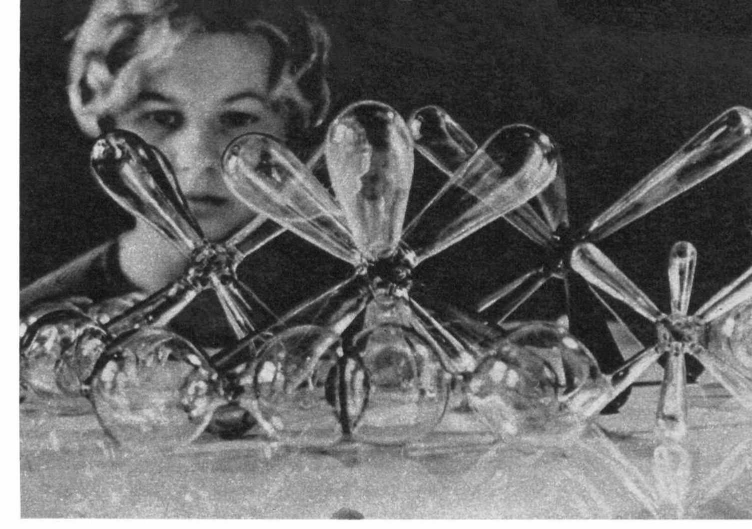
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

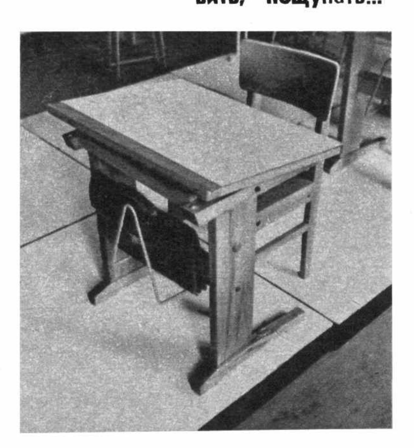
Андрей Розин.

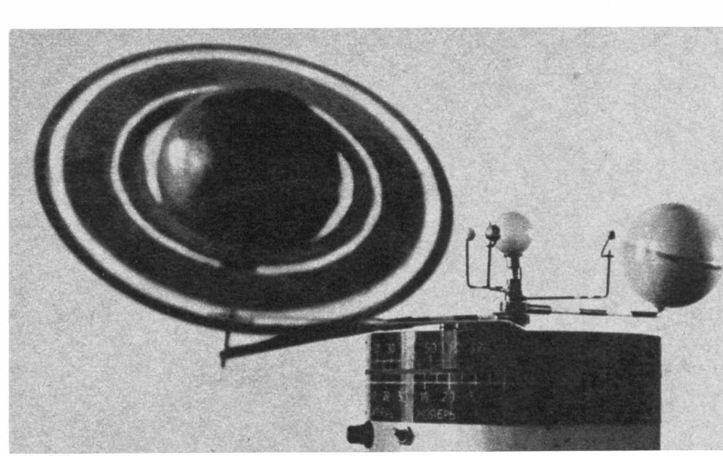
Завод Физэлектроприбор № 4. На конвейере собирают оборудование для лингафонных кабинетов.

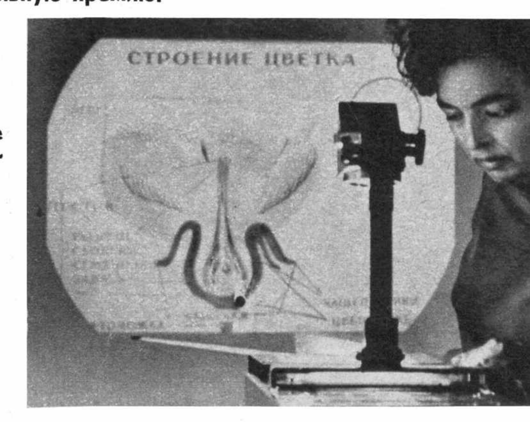
Есть и такой «атом»: здесь его можно представить, пощупать...

Парта НИИШОТСО.

Представленная на конкурс демонстрационная модель солнечной системы получила поощрительную премию.

Классная доска. Но не простая, а оптическая — кодоскоп.

Здесь, в новой школе № 885 Тимирязевского района Москвы, впервые прозвучит звонок 1 сентября 1971 года.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.